

Типы финно-угорского субстрата в Пермском крае (на материале апеллятивной лексики русских говоров): предварительные наблюдения

Р. В. Гайдамашко

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
gaidamashko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1676-3363

Аннотация. В статье предложен опыт идентификации, локализации и временной стратификации типов финно-угорского языкового субстрата в Пермском крае на материале апеллятивной лексики русских говоров. Основная часть статьи — это сводка субстратной финно-угорской апеллятивной лексики в русских говорах Пермского края: указаны наиболее близкие соответствия этой лексики в живых или угасших финно-угорских идиомах, даны ссылки на этимологические разработки (или предложены собственные этимологические решения). В заключении описаны типы финно-угорского языкового субстрата в Пермском крае — коми и мансийский; их ареалы очерчены на карте и сопоставлены с историческими и лингвистическими данными; намечены области пересечения изоглосс этих типов.

Ключевые слова: языковые контакты; языковой субстрат; Западный Урал; Северное Прикамье; Пермский край; русские говоры; апеллятивная лексика; финно-угорские языки; коми языки; мансийский язык.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097. Инструмент для создания лингвистических карт (*Рис. 2, 3, 10*) разработан на основе следующих ресурсов: <https://github.com/umap-project>, <https://umap.openstreetmap.fr/ru/>, <https://wiki.openstreetmap.org/wiki/UMap>. С предварительной версией статьи ознакомились коллеги — П. С. Злобин, А. В. Савельев и Ю. А. Шкуратов, которым я благодарен за высказанные замечания. Все ошибки и недочеты, которые обнаружатся в статье, остаются на совести автора.

Types of the Finno-Ugric substrate in Perm Krai (based on the appellative vocabulary of Russian dialects): Preliminary observations

Roman V. Gaidamashko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); gaidamashko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1676-3363

Abstract. The article presents an attempt to accomplish identification, localization and temporal stratification of the types of the Finno-Ugric language substrate in Perm Krai based on the appellative vocabulary of Russian dialects.

In its introductory paragraphs, the article describes the object of the study, the materials, sources, and methods used, its geographical scope and the principles of data presentation.

The main body of the article is a summary of the substrate Finno-Ugric appellative vocabulary found in the Russian dialects of Perm Krai — approximately 120 words grouped into 63 lexical nests with mostly precise geographic reference. The closest correspondences of this vocabulary found in living or extinct Finno-Ugric idioms (based on the published dictionaries and linguistic studies) are indicated. The article also provides the necessary references to the relevant established etymological developments or proposes the author’s own etymological solutions.

In the conclusion, the article identifies the types of the Finno-Ugric linguistic substrate existing in Perm Krai for Komi and Mansi. Within the studied region, the Komi substrate type covers three areas, with two of these, conventionally designated as “Northern Permyak” and “Southern Permyak”, separated by sections of three districts located in between: the western part of the Solikamsky, the northern part of the Yusvinsky and the southern part of the Usolsky districts. This distribution may point to the existence of a former “vibration zone” between the northern and the southern dialects of the Komi-Permyak language. The third area exists as an “island” located in the Yurlinsky district. The Mansi substrate type is divided into three areas conventionally designated as the northern or “Vishersky” area, the central or “Yaivinsky-Kosvinsky” area, and the southern or “Chusovskoy” area, named after the four main left-side tributaries of the Kama River.

These areas are outlined on the map of the Northern Kama region and compared with the known historical and linguistic data. A separate section preceding the final remarks outlines the intersection areas of the isoglosses of these types.

Keywords: language contacts; language substrate; Western Urals; Northern Kama region; Perm Krai; Russian dialects; appellative vocabulary; Finno-Ugric languages; Komi languages; Mansi language.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097. The tool for creating linguistic maps (*Fig. 2, 3, 10*) was developed based on the following resources: <https://github.com/umap-project>, <https://umap.openstreetmap.fr/ru/>, <https://wiki.openstreetmap.org/wiki/UMap>. I express my gratitude to my reviewers P. S. Zlobin, A. V. Savelyev and Yu. A. Shkuratok for their comments on the preliminary version of this article. All errors and shortcomings are my responsibility.

1. Введение

Западный Урал — это территория, на которой издавна происходят активные этноязыковые контакты. До славянской колонизации здесь сосуществовали пермские, угорские, самодийские, тюркские народы. Целенаправленное изучение языкового ландшафта этого региона насчитывает как минимум вековую историю, опубликованные к настоящему моменту диалектные, этимологические словари, лексические атласы, лингвистические исследования по русским говорам и финно-угорским идиомам указанного и смежных регионов позволяют уточнить существующие этимологические решения, обобщить большой массив данных по лексическим заимствованиям и субстрату, а точные географические привязки многих языковых фактов делают возможным в общих чертах обрисовать детали былого языкового ландшафта.

1.1. Объект, цель, задачи и ареал исследования

Объект исследования — субстратная финно-угорская апеллативная лексика русских говоров, большей частью имеющая точные территориальные привязки в пределах Пермского края. Под

апеллятивной лексикой понимаются нарицательные слова (в противопоставление именам собственным).

Цель исследования — идентификация, локализация и временная стратификация типов финно-угорского языкового субстрата в Пермском крае на материале апеллятивной лексики русских говоров.

Среди основных задач, необходимых для достижения поставленной цели: 1) определить территориальные рамки исследования, 2) обозреть круг источников материала; 3) привести сводку субстратной финно-угорской лексики русских говоров Пермского края с указанием ссылок на соответствующие этимологические разработки (или предложением собственных этимологических решений); 4) нанести на карту Пермского края ареалы типов языкового финно-угорского субстрата и сопоставить с имеющимися историческими и лингвистическими данными.

В задачи настоящей статьи не входит обрисовка исторического и диалектологического фона исследования (то есть история дорусского населения Северного Прикамья, место русских говоров Северного Прикамья в макроструктуре русских говоров и история их формирования, место севернорусской лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северного Прикамья, история изучения лексики финно-угорского происхождения в исследуемых говорах) — этому посвящены основательные и заслуженно ставшие хрестоматийными труды О. Н. Бадера, В. А. Оборина, А. А. Преображенского, Е. Н. Поляковой, Г. Н. Чагина, А. В. Черных, коллективные монографии [Преображенский (отв. ред.) 1989; Александров (отв. ред.) 1989] и др. Также за рамками статьи остаются многочисленные вопросы адаптации лексики финно-угорского происхождения русскими говорами Северного Прикамья на разных языковых уровнях (фонетика, акцентология, морфология, словообразование, семантика) — заинтересованный читатель найдет исчерпывающую информацию в двух диссертациях на материале русских говоров Северного и Среднего Урала [Матвеев 1959: 41–47, 85–104; Гайдамашко 2014: 332–343]. В этих диссертациях учтены также и выводы об адаптации финно-угорской лексики русскими говорами Севера и Северо-Запада [Kalima 1919: 33–76, 1927: 9–14; Veenker 1967:

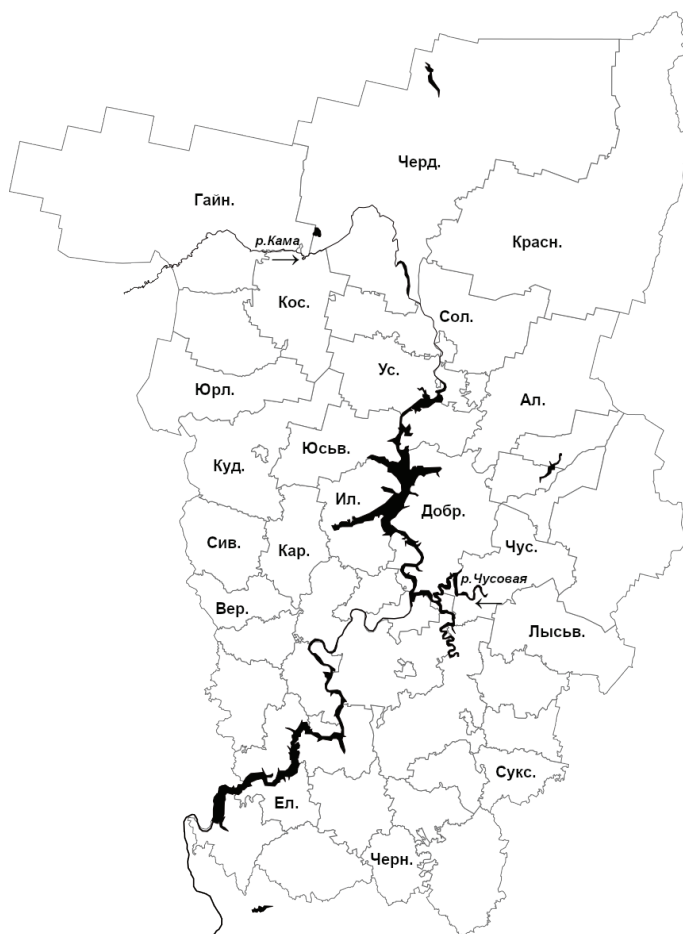

Рис. 1. Ареал исследования и административно-территориальное деление Пермского края

Fig. 1. Research area and administrative-territorial division of Perm Krai

22–107; Мызников 2004: 345–371] — «материнскими» для русских говоров Северного Прикамья.

В настоящем исследовании мы не смешиваем понятия «Верхнее Прикамье» (термин, традиционный для истории и языкознания)

и «Северное Прикамье». Под Северным Прикамьем подразумевается бассейн Камы от ее верховьев (за исключением вынесенных за рамки исследования Афанасьевского, Верхнекамского, Омутнинского районов Кировской области, Базезинского, Кезского районов Удмуртии, заслуживающих отдельного внимания) до бассейна Чусовой включительно (за исключением находящихся за Уралом районов Свердловской области), то есть почти весь Пермский край без самых южных районов, в русских говорах которых финно-угорское влияние прослеживается очень слабо. На карте (см. *Рис. 1*) отражен ареал исследования — Пермский край — с границами административно-территориальных единиц и их условными обозначениями, принятыми в настоящей статье (см. список условных сокращений). На карте даны обозначения только тех районов, материал из которых рассматривается в статье.

1.2. Материалы и источники

Русский материал для исследования почерпнут преимущественно из опубликованных источников — из диалектных словарей [АС; Полякова 2007; СГСРПО; СПГ; СРГКПО; СРГСПК; СРГЮП], трудов А. К. Матвеева [Матвеев 1958, 1959, 1964], А. С. Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1981] и редко других авторов. Иногда привлекаются материалы картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края» [КСРГСПК] и собственные записи автора из полевых экспедиций 2006–2016 годов [МЭ].

Существующие версии о происхождении русских слов рассматриваются по сочинениям А. Е. Аникина [Аникин 2000; Аникин], Ю. В. Зверевой [Зверева 2007, 2008, 2012], Я. Калимы [Kalima 1927], А. С. Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1981], А. К. Матвеева [Матвеев 1958, 1959, 1964], С. А. Мызникова [Мызников 2019], Е. Н. Поляковой [Полякова 2007], М. Р. Фасмера [Фасмер] и др. В настоящей статье не ставится цель представить сводку всех существующих этимологических решений для рассматриваемой лексики, поэтому мы ограничиваемся указанием только важнейших

трудов или же собственных статей и диссертации [Гайдамашко 2009, 2011а, 2013, 2014, 2016, 2017b, 2018, 2020], по возможности учитывающих имеющиеся наработки.

Финно-угорская (коми, мансийская) лексика для сопоставления привлекается из опубликованных словарей, монографий, статей, диссертаций [Баталова 1990; КПРС; Кривошекова-Гантман 1974; КСК; КЭСКЯ; Лыткин 1955, 1961; Меркушева 2003; Рогов 1869; Федосеева 2015; WW 1986; WW 2013]. Указание на происхождение коми лексики дается по трудам В. И. Лыткина, Е. С. Гуляева, Ш. Чуча [КЭСКЯ; КЭСКЯД; Лыткин 1964; Csúcs 2005] и др.

1.3. Методы исследования

При этимологической интерпретации (иначе — этимологизации) заимствованной лексики мы следуем принципам В. Феенкера, который системно разрабатывал методику выявления и анализа субстратных финно-угорских единиц в русских диалектах [Veenker 1967, 1992], и С. А. Мызникова, успешно апробировавшего эту методику на материале русских говоров Северо-Запада и других регионов [Мызников 2003, 2004, 2007, 2019]. Если вкратце, параметры, которые обязательно должны учитываться при этимологизации неисконной лексики, условно можно обозначить триадой «форма — семантика — ареал». Подробнее о применяемой автором методике см. [Гайдамашко 2014: 29–32, 2017b: 299–303].

1.4. Структура работы и принципы подачи материала

В целом структура работы следует поставленным задачам: в *Разделе 2* дается сводка субстратной финно-угорской лексики местных русских говоров и, как результат, в *Разделе 3* обрисовывается субстратный языковой ландшафт русских говоров Северного Прикамья (в том числе в сравнении с предшествующими выводами на материале ономастики и исторических дисциплин).

Формы слов цитируются без изменений. То же касается толкований (включая орфографию), заключенных во французские кавычки («»). Марровские же кавычки (‘’) могут указывать на толкования, переведенные автором с других языков, а также сконструированные исходя из сопутствующей иллюстрации картотечных материалов или путем компиляции толкований из различных источников.

Сокращенные названия муниципальных образований (за исключением относящихся непосредственно к ареалу исследования) даются в соответствии с сокращениями, принятыми в СРНГ. Сибирские материалы приводятся в исключительных случаях.

Номера примеров со впервые предложенными этимологиями русской лексики или со значительными дополнениями к существующим этимологическим решениям выделены полужирным.

2. Субстратная финно-угорская лексика в русских говорах Пермского края

В данной статье не привлекается к исследованию финно-угорская (как правило, коми) лексика, имеющая множество фиксаций на территории Верхнего и Среднего Прикамья (и шире) и подробно рассмотренная в предшествующих исследованиях: *áбу* ‘нет’ (Арх.; Волог.; Перм.) [Аникин 1: 74; Мызников 2019: 32], *áдáть* ‘есть’ (Арх.; Волог.; Перм.) [МСФУСЗ: 24; Аникин 1: 100; Мызников 2019: 35], *бáка* ‘трутовик’ (Арх.; Волог.; Вят.; Перм.) [МСФУСЗ: 31; Аникин 2: 94; Мызников 2019: 67–68], *бáля* ‘овца’ (Арх.; Волог.; Вят.; Перм.; Яросл.) [МСФУСЗ: 32; Аникин 2: 158, 160, 161–162; Гайдамашко 2011а: 421–423; Мызников 2019: 72–73], *бус* ‘пыль’, ‘мелкий дождь’ (Арх.; Волог.; Вят.; Перм.; Яросл.) [МСФУСЗ: 43; Аникин 5: 201–202; Мызников 2019: 102], *бýгáть* ‘высыхать на ветру, морозе’, ‘выцветать на солнце’ (Волог.; Вят.; Перм.; Яросл.) [МСФУСЗ: 44; Аникин 5: 271; Мызников 2019: 105], *зел*, *зелíнка* ‘прут, тонкая деревянная планка’ (Волог.; Перм.; Удм.) [Матвеев 1959: 58, 1964: 292–293; Аникин 2000: 211; МСФУСЗ: 118–119; Мызников 2019: 202–203], *зыля* ‘ржавое

болото' (Волог.; Перм.) [Kalima 1927: 23; Фасмер 2: 109; Полякова 2007: 142; Гайдамашко 2014: 123–124; Мызников 2019: 205], *кага* 'дитя; младенец; грудной ребенок' (Вят.; Перм.; Урал.) [Kalima 1927: 23; Матвеев 1964: 294; Зверева 2007: 479; Мызников 2019: 218], *нянь* 'хлеб' (Вят.; Перм.; Урал.) [Матвеев 1964: 300; Аникин 2000: 413; Мызников 2019: 542], *няра, нярга, няргун* 'плачущий, хныкающий ребенок' (Арх.; Коми; Перм.; Урал.) [Матвеев 1964: 300; Зверева 2007: 479; Мызников 2019: 543–544], *на́рма* 'возвышенное место, покрытое глухим лесом' (Арх.; Волог.; Коми; Перм.) [Kalima 1927: 35; Матвеев 1959: 32, 1964: 301; Фасмер 3: 208; Мызников 2019: 583] и мн. др.

Широкое распространение этих лексем может быть обусловлено поздними переселениями (с соответствующей иррадиацией лексики), так же, как, например, многочисленные прибалтийско-финские, саамские и коми заимствования, бытующие в Прикамье благодаря былым перемещениям севернорусского населения на восток, но в меньшем масштабе (то есть переселениями на региональном уровне).

- (1) *балевáн* (Тиуново Гайн.), *балевáн* (Усть-Чикурья Гайн.) 'жимолюсть голубая (*Lonicera caerulea* L.)' [СРГСПК 1: 52] < коми [Зверева 2007: 478, 2008: 496, 2012: 104–105], ср. кп. сев. *балянянь*, левич. *баляняня* «жимолюсть (кустарник и ягоды)» [КПРС: 25]. Мена инлаутного *-н-* на *-б-/-в-* объясняется прогрессивной ассимиляцией. *Баляняня* значит букв. 'овечий сосок'. Кп. слова считаются севернокоми-пермяцкой инновацией [Федосеева 2002: 432, 2015: 56–57].
- (2) *ба́чка* 'грудная клетка, грудь птицы или человека' (Акчим Красн.) [АС 1: 56], (Вёлгур Красн.; Редикор Черд.) [СРГСПК 1: 71] < коми, ср. кз. *бака* вв., сс. 'грудные мышцы у птиц; мякоть, облегающая грудную кость', вс., лл. 'грудная кость у птиц' [КСК 1: 51]. Известными кп. и кя. источниками не зафиксировано, поэтому этимология на коми фоне затемнена. Приводятся параллели в марийских, мордовских, чувашском, якутском языках и предполагается связь фин.-угор. и тюркских данных [КЭСКЯ: 36]. Подробно см.: [Гайдамашко 2018: 35–36]. Также см.: [Мызников 2019: 82].

- (3) *бёрдыш* «куриное крыло, используемое в хозяйственных целях» (Тиуново Гайн.) [СРГСПК 1: 86] < коми, ср. кп. *борд* (*бордй-*) ‘крыло’, «крылышко (для подметания на шестке)», ‘плавник (рыбы)’ [КПРС: 37], кя. *борд* ‘крыло (у птицы)’ [Лыткин 1961: 89], кз. повс. *борд* ‘крыло, крылья; маховое перо’, ‘плавник’ [КСК 1: 84]. Коми слово исконно на перм. почве и возводится к оп. **bord-* [КЭСКЯ: 40; ср.: Csúcs 2005: 323]. Древнейшая судьба перм. лексики на фин.-угор. фоне остается неизвестной — «этимология неясна» [Лыткин 1964: 76]. Подробно см.: [Гайдамашко 2018: 36–37].
- (4) *бурган* «яма в овраге, в которую стекает вода» (Митюшата Ил.) [СПГ 1: 66; Полякова 2007: 45–46] < коми, ср. кп. *борган* ‘глухо журчащий’ (напр., *борган шор* ‘журчащий ручей’), ‘место падения ручья (потока); журчащий водопад (на небольшой речке)’, ‘погремушка (игрушка)’ [КПРС: 37], которое является причастием от кп. *боргыны* ‘с шумом течь; журча бежать (о воде)’ (см. также кп. *боргыны-виявны* ‘тихо журча, течь (сверху)’, *боргыны-котортны* ‘бежать (течь), тихо журча’) [КПРС: 37]. Изменение степени подъема гласного в аналауте может быть обусловлено слабой позицией и паронимической аттракцией к рус. словам с основой *бур-*, ср. литер. *бурливый* ‘сильный, стремительный; бурлящий’, *бурлит* ‘клокотать (о бурном потоке воды, волнуемом море)’, *бурный* ‘быстро, стремительно протекающий’ [БАСРЯ 2: 266, 267], *бурчат* ‘издавать особые звуки (о переливающейся или кипящей жидкости, движущемся воздухе и т. п.); урчать’, простореч. *буробить* ‘бить ключом, течь стремительно, с шумом (о воде)’ [ССРЛЯ 1: 700, 701] и мн. др. С другой стороны, это варьирование может указывать на особенности в фонетике субстратного коми диалекта, послужившего источником рус. слова (ср. рус. *у* ~ коми *о*, (52)). Широко распространено в качестве топоосновы в топонимии Коми-Пермяцкого округа и Республики Коми. Подробно см. [Гайдамашко 2014: 87–91].
- (5) *быглян* «небольшая деревяшка цилиндрической формы, которую использовали в качестве игрушки» (Харино Гайн.)

- [СРГСПК 1: 86] < коми [Зверева 2008: 492–493], ср. кп. сев. *быгльян* ‘шар; нечто круглое’ [КПРС: 48], исконное на перм. языковой почве [КЭСКЯ: 43; Csúcs 2005: 322]. Также см.: [Мызников 2019: 105–106].
- (6) *вад* ‘озеро’ (Коса Кос.) [Полякова 2007: 53; СРГСПК 1: 181] < коми [Полякова 2007: 53], ср. кп. сев. *вад* ‘лесное озеро (с заболоченными берегами)’ [КПРС: 52], кз. вв., вым., иж., лл., нв., скр., сс., уд. *вад* «топкая болотистая местность; топь, трясина; луговое непроточное озеро с топкими берегами и с топким дном» [КСК 1: 145]. Коми лексика исконна [КЭСКЯ: 46]. В самостоятельном употреблении, в качестве топоосновы и топоформанта распространено в топонимии Республики Коми, севера Коми-Пермяцкого округа и сопредельных районов Кировской области. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 94–97]. Также см.: [Мызников 2019: 108].
- (7) *вачбáк* ‘сухой трутовик’ (Акчим Красн.) [АС 1: 113] < коми, ср. кп. *ватшк-* (при кп. *ватшкõн* ‘подражание звуку падающего дерева’, *ватшкõтны* ‘хрустеть, трещать (о падающем дереве)’, *ватшкыны* «жевать с хрустом, хрупать» [КПРС: 57]), кз. *вач-* (при кз. уд. *вач киссьыны* ‘с шумом рассыпаться’, *вач-вач* ‘хлоп; с треском’ [КСК 1: 163]) и кп. *бак, бака* (при кп. *бакатиак* ‘трутовиковый гриб’, сев. *кыдз бака* «березовая губка» [КПРС: 24], оньк. *bak, ba-ka* ‘березовый трут’ [Баталова 1990: 178]), кз. *бака* вв., вс., печ., сс., уд. «трутовик, березовая губка», вв., уд. «лиственничная губка» [КСК 1: 51]. Рус. *вачбак*, скорее всего, служит обозначением для лиственничного трутовика, верхняя часть плодового тела которого, в отличие от трутовика настоящего, часто имеет глубокие трещины. Впервые этимология предложена в [Гайдамашко 2009: 419] и повторена в [Аникин 6: 137]. Также см.: [Мызников 2019: 121].
- (8) *вежáй* ‘крестный отец’ (Новоселы Кос.) [СРГКПО: 59] < коми, ср. кп. устар. *вежáй* «крестный [отец]» [КПРС: 60], кя. *ви́жэй* ‘крестный’ [Лыткин 1961: 96], кз. вв., вым., лл., нв., печ., скр.,

- сс., уд. *вежай* ‘крестный отец’ [КСК 1: 168]. В коми языках — исконное образование при оп. **vęža* ‘святой, освященный, священный’ [КЭСКЯ: 50] и **ajv* ‘родитель’, ‘самец’ [КЭСКЯ: 31]. Также см.: [Мызников 2019: 124].
- (9) *вежáнь* (Пож Юрл.), *вежáнька* (Чугайнов Хутор Юрл.), *вежáнья*, *вежáня* (Новоселы Кос.), *везáнька* (Сергеева Юрл.) ‘крестная мать’ [СРГКПО: 59] < коми [СРГКПО: 31; Зверева 2007: 480], ср. кп. устар. *вежáнь* «крестная [мать]» [КПРС: 60], кя. *вiјжан* ‘крестная’ [Лыткин 1961: 96], кз. вв., вс., вым., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *вежань* ‘крестная мать’ [КСК 1: 168]. В коми языках — исконное образование при оп. **vęža* ‘святой, освященный, священный’ [КЭСКЯ: 50] и **an’v* ‘женщина’ [КЭСКЯ: 32–33]. Также см.: [Мызников 2019: 124].
- (10) *вéжур* ‘гриб сыроежка (*Russula*)’ (Шипицыно Гайн.) [СРГСПК 1: 197] < коми [Зверева 2008: 495–496, 2012: 105], ср. кп. *вежьóр* «лиси́чка, лиси́чки (грибы)» [КПРС: 61], при оп. **vęž* ‘зеленый’, ‘желтый’ [КЭСКЯ: 49] и **jur* ‘голова’ [КЭСКЯ: 335]. Также см.: [Мызников 2019: 124].
- (11) *вiшьян*, *вiшьяны* «штаны из домотканого материала, которые носили мужчины и женщины» (Коэпты Черд.) [СРГСПК 1: 245] < коми [Зверева 2008: 492, 2012: 106], ср. кп. *вешья́н* «штаны, брюки || брючный» [КПРС: 69], оньк. *višja-n* ‘брюки’ [Баталова 1990: 193]. Сопоставление рус. слова с коми устар. *визя гач* «пестрядинные (в полоску) штаны» [Мызников 2019: 136] вряд ли уместно, ср. кз. вв., нв., печ., скр., сс., уд. *визя* ‘полосатый, в полоску’ и кз. повс. *гач* ‘штаны, брюки || штанной, брючный’ [КСК 1: 206, 314]. Считается, что происхождение кп. *вешья́н* неизвестно [Лобанова, Черных 2014: 27, 32], однако можно предположить, что слово образовано от кп. *вéшиыны* ‘отходить, отойти’, ‘перемещаться, переместиться’ [КПРС: 69] и суффикса отглагольных существительных со значением орудия действия *-ан* (*ян*) [Лыткин (ред.) 1962: 205–206], ср., напр., кп. *чышья́н* ‘платок’ [КПРС: 551–552] — производное от кп.

- ч'ишкыны* ‘вытереть, обтереть, протереть’ [КПРС: 551] при оп. **чиш*- ‘утирать, вытирать, выметать’ [КЭСКЯ: 314–315].
- (12) *вож* ‘низменное сырое место около реки’ (Ключи, Лябово Добр.) [Полякова 2007: 68] < коми [Полякова 2007: 69], ср. кп. *вож* ‘приток’ [КПРС: 77], кз. вв., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *вож* ‘приток, бассейн’ [КСК 1: 228]. Коми лексика относится к допермскому наследию [КЭСКЯ: 60]. В апеллятивном употреблении в рус. говорах почти не отмечается, но обширно представлено в гидронимии и ойконимии Верхнего Прикамья (Гайн. и Куд. — много, а также Вер., Добр., Ил., Ус.) и Республики Коми, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 104–107].
- (13) *гуркан, курган* ‘задняя часть спины лося’ (Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 23, 1964: 291] < коми [Матвеев 1959: 23, 1964: 291], ср. кп. *гырк* ‘брюшная полость, внутренности, нутро’, ‘дупло’ [КПРС: 113], кя. *гөрк* ‘нутро тела, внутренности, утроба’ [Лыткин 1961: 108], кз. *гырк* вв., иж., лл., печ., скр., сс. ‘внутренность, утроба’, повс. ‘туловище’, иж., уд. ‘поясница, талия; спина’, сс. ‘сердцевина’ [КСК 1: 397–398], при оп. **gürk* ‘внутренность, полость’ [КЭСКЯ: 85–86; ср.: Csúcs 2005: 333]. Также см.: [Мызников 2019: 172].
- (14) *дзас* ‘гуща чего-либо, чаще пива’ (Красн.) [Кривошекова-Гантман 1981: 59], *дзяз, дзяс, джяз, джяс* ‘густой осадок в жидкости’ (Акчим Красн.) [АС 1: 237] < коми. А. С. Кривошекова-Гантман предполагала связь этого слова с коми *идзас* ‘солома’ (якобы первоначально слово обозначало только то, что находится под непроцеженным пивом, — на дно корчаги с замешанным пивом коми-пермяки кладут солому, чтобы сусло лучше стекало в подставляемый сосуд, — затем расширило значение и стало обозначать всё, что оседает на дно чего-либо, т. е. гущу) [Кривошекова-Гантман 1981: 59]. С другой стороны (см. [Мызников 2019: 177]), возможно сравнение с кз. *чаж* уд. (Лат.) ‘картофельные выжимки’, вс. (Кг.), лл. (Лет., Об.) ‘жмыхи’, *чаз* вв., вс., вым., иж., лл. (Пор.), печ., скр., сс.

- «избоина конопляная, остатки от семян после выжимки масла», вв. (Бог., Ст.), иж., нв., печ. «крупные высевки (черемуховой муки, тертого табака)», вс. (Кг.) ‘жмыхи’ [КСК 2: 680–681], уд. *дзаж* ‘мезга, выжимки (картофельные, при изготовлении крахмала)’ [КСК 1: 418] и др., при оп. *č’až [КЭСКЯ: 300].
- (15) *дзэлька* (Пож Юрл.), *джэлька* (Миронова Юрл.) [СРГКПО: 87], *дзёлка*, *дзэлька*, *дзёлочка* (Усть-Чикурья Гайн.) [КСРГСПК; СРГСПК 2: 201–202], *зэлька* (Покча Черд.) [КСРГСПК] ‘молодая овца’. Ср. *дзэлька* ‘ягненок’ (Урал.) [СРНГ 8: 46], *зэлька* ‘овца’ (Коми-Перм.), ‘ягненок’ (Вят.; Удм.; Перм.) [СРНГ 11: 254] < коми [Фасмер 2: 93; Кривошекова-Гантман 1981: 51; Аникин 13: 336–337], ср. кп. *дзель* «ягненок (чаще о самочке)» (с производными *дзэля* ‘с ягненком’, *дзэля баля* ‘овца с ягненком’) [КПРС: 119], кз. иж., нв. *дзёля баля* ‘ягненок’ [КСК 1: 435]. Судя по всему, коми слово родственно сходным прибалтийско-финским данным и исконно в фин.-угор. семье [КЭСКЯ: 90; Хаузенберг 1972: 90–91]. Подробно см.: [Гайданашко 2011а: 423–424]. Также ср.: [Мызников 2019: 174].
- (16) *дзизгальник* ‘пьяница’ (Камгорт Черд.) [КСРГСПК] < коми. Ю. В. Зверевой предложено сравнение с кп. ни. *дзигавны*, оньк. *дзигалны* ‘падать, упасть’ (см. [КПРС: 120]) — предполагается образование рус. слова от кп. глагола и оформление его словообразовательными суффиксами *-аль-* и *-ник-* [Зверева 2007: 478–479]. На наш взгляд, фонетика рус. слова допускает сравнение со звукоподражательными кп. *дзйжгыны* ‘жужжать’ [КПРС: 120], кз. вв. *дзизгини*, вс., вым., печ., скр., сс. *дзизгыны* ‘жужжать; пищать (о насекомых)’ [КСК 1: 424].
- (17) *дзюлёк*, *дзюлёк* ‘желудок птицы’ (Акчим Красн.) [АС 1: 236–237] < коми [Кривошекова-Гантман 1981: 51], ср. кп. *чуль* ‘зоб у птиц’ [КПРС: 548], кя. *ч’ул* ‘желудок птицы’ [Лыткин 1961: 197], кз. вым. *дзулля*, вым. иж., лл. (Пор.) *дзуль* ‘желудок птицы’ [КСК 1: 440], вв. (Бог., Вольд.), вс., нв., печ., скр., сс., уд. *чуль* ‘зоб птицы’ [КСК 2: 739], при оп. *č’ül’ ‘зоб’, ‘плод’, ‘личинка’,

- ‘нечто маленькое’ [КЭСКЯ: 313]. Любопытен консонантизм рус. слова, близкий к кз. диал. данным. Также см.: [Мызников 2019: 177].
- (18) *елтыш* (Сол., 1702) [СЛПП 1: 171], *ёлтыш* (Толстик Сол.) [СГСРПО: 154], (Акчим Красн.) [АС 1: 270], (Пыскор Ус.) [СПГ 1: 247], (Юрла Юрл.) [СРГКПО: 95], (Давыдово, Ужиткар Гайн.; Касиб, Останино Сол.; Анисимово, Вильгорт, Покча, Редикор Черд.) [КСРГСПК], *елтышóк*, *елтышóнок* (Акчим Красн.) [АС 1: 270], *ёлтышóк* (Володино, Осокино Сол.) [СГСРПО: 154], *ёлдыш*, *ёлдышек* (Редикор Черд.) [КСРГСПК] ‘короткий, толстый, нерасколотый обрубок дерева, бревна’. Ср. (Перм.; Свердлов.; Урал.; Сиб.) [СРНГ 8: 348–349] < коми [Мызников 2019: 186], ср. кп. *ёлтыш* «колода, кругляк, чурбан, короткий обрубок дерева» [КПРС: 138], кз. вв. (Крч.), вым. (Кони), иж. *йёлтыш* «чурбан, отрубок, полено» [КСК 1: 612]. А. Е. Аникин указывает, что связь с коми диал. «несомненна», «но коми слово может быть из рус.» [Аникин 2000: 198]; и позднее: «скорее всего, рус. < коми» [Аникин 15: 328].
- (19) *ёхла* ‘вяленая рыба’ (Кын Лысьв.) [СПГ 1: 251] < манс., ср. манс. сев. *joχəl*, сл. *jāχel*, *joχlä*, *jāχlä* ‘вяленая рыба’ [WW 1986: 164], пел. *jəχmä*, вл. *jəχxl* ‘рыба, разрезанная на спине и вяленая около двух недель на солнце’ [WW 2013: 199]. Впервые этимология прикамского диал. слова предложена в [Gaidamaško 2013: 210] по аналогии с материалами ранних полевых записей А. К. Матвеева в Гаринском районе Свердловской области [Матвеев 1958: 80, 1959: 59]. Также см.: [Аникин 16: 84].
- (20) *зыля* (Лобанова Юрл.), *зылька* (Юм Юрл.), *зырька* (Ефремова Юрл.) «замерзшая коровья лепешка, кусок конского навоза» [СРГКПО: 110] < коми [Гайдамашко 2014: 124], ср. кп. диал. (без уточнения) *зыля* ‘комоч мерзлого лошадиного помета’ [Лыткин 1955: 100], которое, возможно, связано с кз. *зыля* вв. (Бог.), вым., нв., скр., ‘трясина’, вым. (Кони) ‘сырое место, где стоит ржавая вода’ [КСК 1: 556].

- (21) *зыр* ‘лопата для вынимания хлеба из печи’ (Мележ Черд.) [СПГ 1: 336] < коми [Зверева 2008: 493–494], ср. кп. *зыр* ‘лопата’ [КПРС: 151], кз. *зыр* вв., вс., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. ‘лопата’, вым., уд. ‘деревянная лопата’ [КСК 1: 571], а также кп. *нянь зыр* «лопата для сажания хлеба в печь» [КПРС: 151], кя. *нан’ зэр* ‘хлебная лопата’ [Лыткин 1961: 116], кз. вв., иж., нв., скр., уд. *нянь зыр*, лл., скр., уд. (Косл., Чупр.) *пӧжасян зыр* ‘хлебная лопата’ [КСК 1: 571].
- (22) *ижман* (Каргино Ил.) [СПГ 1: 344], (Посад Нердв.; Илаб Сол.) [КСРГСПК], *ижуман* (Зориново Кар.) [СПГ 1: 344], *у́жман* (Коми-Перм.) [Матвеев 1964: 293], *южман* (Илаб Сол.) [КСРГСПК], *жман* (Рождественское Кар.) [КСРГСПК] ‘жимолость голубая (*Lonicera caerulea* L.)’ < коми [Матвеев 1964: 292–293; Зверева 2008: 496, 2012: 104–105; Мызников 2019: 209], ср. кп. *ыжман* (без помет) [КПРС: 578], ош. *ижман* [КПРС: 153], *ыжбан* (без помет) ‘жимолость (кустарник и ягоды)’ [КПРС: 577], оньк. [Баталова 1990: 183], нердв. *ыжбан*, нердв., оньк. *жбан* ‘жимолость татарская’ [Меркушева 2003: 213, 214], зюзд. *узӧн* [Лыткин 1955: 126], кя. *ӧжмала*, *рӧжмала* ‘жимолость’ [Лыткин 1961: 159], кз. вв., вым. (Весл., Кони), иж., нв., уд. *ыжман*, вс. (Кб., Кг., Уж.) *ыжмалъ*, нв. (Кожм., Кокв., Паль, Сл.) *ныжман* ‘жимолость голубая’ [КСК 1: 1023; 2: 832], вс. *ыжмол* ‘жимолость’ [Лыткин 1955: 126]. А. К. Матвеев предполагал, что рус. слово может быть калькой кз. *ыжнёнъ* (букв. ‘овечий сосок’) [Матвеев 1964: 293], ср. кз. вв. (Крч.), лл., печ., скр., сс. *ыжнёнъ*, сс. (Ыб) *ужнёнъ* ‘жимолость голубая’ [КСК 2: 648, 832]. Напротив в КЭСКЯ: «⟨...⟩ формы типа *ыжнёнъ* получились в результате народной этимологии» [КЭСКЯ: 329] (при этом «происхождение названия жимолости в коми языке остается невыясненным» [КЭСКЯД: 44]). На наш взгляд, указанная рус. лексика в Северном Прикамье явно происходит от кп., что подтверждается ее характерным ареалом, а также — косвенно — распространением разных лексических вариантов

в большинстве коми диалектов и удм. языке, ср. удм. *ыжноны* ‘жимолость голубая’ [РУС 1: 386], букв. ‘овечий сосок’. Коми лексика по причине богатого фонетического варьирования (*ыжман* ~ *ижман* ~ *ныжман* ~ *ыжбан* ~ *жбан* ~ *ыжнёнъ* ~ *ужнёнъ* ~ *узнёнъ* ~ *ыжмоль* ~ *ужмаль* ~ *рөжмаля* и др.) сама, скорее всего, является заимствованием из третьего источника, ср. мар. *ош-киза* ‘жимолость’ (букв. ‘белая рученька’), чув. *вйш* ‘жимолость’, *уш(я)* ‘боярышник’ (где чув. данные могут указывать на то, что было какое-то поволжское субстратное название жимолости типа **иш*) [сообщение А. В. Савельева].

- (23) *ичмóнька* ‘невестка’ (Мысы Гайн.) [КСРГСПК] < коми [Зверева 2007: 480], ср. кп. *ичмóнь*, *ичмóнька* ‘молодая невестка, молодлица, молодуха, молодка’ [КПРС: 157], кз. вв., вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. (Мез.) *ичмонь*, вс. *ичмóнь* ‘молодуха, молодлица, невестка’ [КСК 1: 597]. В перм. языках это исконное образование [КЭСКЯ: 110].
- (24) *кéрос* ‘поляна в лесу на месте вырубki’ (Ил.; Кар.; Черд.) [Кривощекова-Гантман 1981: 49] < коми [Кривощекова-Гантман 1981: 49–50], ср. кп. *керас* ‘вырубка’ [КПРС: 170], ‘новая вырубка’ [Кривощекова-Гантман 1974: 34], кз. вв., вым., лл., печ., скр., сс. *керас*, вс. *керöс* ‘вырубка, место, где вырубают или вырубili лес’ [КСК 1: 658, 660]. Прикамский апеллиатив не следует смешивать с рус. *керас*, *керес*, *керос* ‘гора, возвышенность’ (Арх.; Коми) [СРНГ 13: 186; СГРС 5: 111] при кз. вс. (Гр., Кг., Уж.), вым. (Кони), лл., печ., скр., сс., уд. *керöс* ‘возвышенность, гора (иногда покрытая лесом)’ [КСК 1: 659], кп. *керöс* ‘гора, возвышенность’ [КПРС: 171], ‘подъем’ [Кривощекова-Гантман 1974: 34] (см. подробно: [Kalima 1927: 19; Фасмер 1: 315; Мызников 2019: 281]). Оба коми гнезда омофоничны на русский слух и открывают широкие возможности для контаминации. Обширно представлено в микропонимии и ойконимии Верхнего Прикамья (Гайн., Красн., Куд., Черд., Юсьв.) и Республики Коми. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 131–133]. Также см.: [Мызников 2019: 286].

- (25) *кідас* (Акчим Красн.) [АС 2: 41], (Вёлгур Красн.; Купчик Черд.) [КСРГСПК], *кідус* (Акчим Красн.) [АС 2: 41], (Вильгорт Черд.) [СПГ 1: 388], (Дий, Черепаново Черд.) [КСРГСПК] ‘помесь куницы и соболя’ < коми [Хаузенберг 1972: 47–48; Аникин 2000: 287; Мызников 2019: 295], ср. кя. *кідас* ‘красноватый соболя, помесь куницы с соболям’ [Лыткин 1961: 125], кз. *кидас*, иж. *кидус* [Хаузенберг 1972: 47], печ. *кидӧс*, вв. (Бог.), печ. (Пкч.) *кидэс*, вв. (Укл.) *идус* ‘помесь куницы и соболя’, печ. *кидӧс*, вв. (Бог.) *кидэс* ‘помесь, гибрид, метис (зверей, птиц)’ [КСК 1: 582, 662]. Обратное направление заимствования (коми < рус.) безосновательно утверждается в [Лыткин 1961: 125; КЭСКЯ: 123]. А. Р. Хаузенберг доказывает исконное происхождение коми лексемы [Хаузенберг 1972: 48; следом: КЭСКЯД: 24], ср. кз. вв., печ., скр., сс. *кид* ‘робкий, пугливый, боязливый; нелюдимый, застенчивый, дикий’ [КСК 1: 662]. Распространение коми слова только в указанных диалектах обусловлено ареалом бытования животного (преимущественно в северном Приуралье, на западе — до верховьев Вычегды, восточных районов Кировской области и северных районов Удмуртии [Хаузенберг 1972: 47]).
- (26) *киль* ‘луковая шелуха’ (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК] < коми [Матвеев 1964: 294], ср. кп. *киль* ‘шелуха, лузга’, ‘перхоть’ [КПСР: 173]. Коми слово исконно и восходит к оп. **kil*’ или **kil*’ [КЭСКЯ: 124; Csúcs 2005: 343]. Также см.: [Мызников 2019: 298].
- (27) *кóлтыш* ‘сырое яйцо’ (Юм Юрл.) [СПГ 1: 408; СРГКПО: 124], ‘скорлупа от яйца’ (Осинка Юрл.) [СРГКПО: 124], *кóлька* (Дуброво, Куштоман Ел.) [СПГ 1: 409], *кóлькиш* (Базуево Гайн.; Пож Юрл.) [СРГКПО: 125] ‘яичная скорлупа’ < коми [Матвеев 1964: 295; СРГКПО: 30; Зверева 2008: 493], ср. кп. *кольть* (сев. *кольк*) ‘яйцо || яичный’, *кольть кыш* ‘яичная скорлупа’ [КПСР: 181, 182, 216], кз. вв., вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. *кольк* ‘яйцо || яичный’ [КСК 1: 702]. Коми слово исконно на фин.-угор. почве [КЭСКЯ: 130–131; ср.: Csúcs 2005: 345]. Вариантность консонантизма рус. слов обусловлена кп. диал. варьированием,

ср. кп. южн. / повс. *кольть* ~ кп. сев. *кольк*, при этом: а) рус. *кóльтыш* ‘скорлупа от яйца’ (запад Юрл.) < кп. южн. *кольть кыш*, б) рус. *кóльтыш* ‘сырое яйцо’ (запад Юрл.) < кп. южн. *кольть*, в) рус. *кóлькиш* (Гайн. и восток Юрл.) < кп. сев. *кольк кыш*, г) рус. *кóлька* (Ел.) < или принесено переселенцами с севера Прикамья (с кп. сев. субстратом), или усвоено от ассимилированного местного коми населения (архаичный идиом которого по фонетике близок кп. сев. и кз., что вполне ожидаемо на былой периферии коми языкового массива). См. также *Разд. 3.1* (и специально *3.1.2*).

- (28) *кулу́п* «обмет, сеть для ловли соболя, куницы» (соболя — Растес Ал.; куницы — Чус.) [Матвеев 1959: 63], (Вильва Чус.) [СРГСУ 2: 41] < манс. [Матвеев 1959: 63], ср. манс. сев. *χūl̥p*, *χūlp*, сл. *khulp*, *khul̥p*, *khūlp*, пел. *khul̥p*, *khulp* ‘рыболовная сеть, ловушка’ [WW 1986: 119], нк. (Нахр.) *χi'lp*, ск. (Леуш) *ku'lp*, вк. (Шаим) *kūlp*, пел. *kūlp*, св. (Заоз.) *ku'lp*, св. (Кама) *kūlp*, юв. *kūlp*, нл. (Куз.), сл. (Перш.) *kūlp*, вл. (НИ) *ᵏχūl'p*, сосъв. (Сарт.) *χūl'p* ‘сеть’ [WW 2013: 295]. Также см.: [Матвеев 1958: 80].
- (29) *ку́шка* ‘луг, поляна’ (Басим Сол.) [СПГ 1: 458; Полякова 2007: 187] < коми [Полякова 2007: 187], ср. кп. *куш* ‘голый; обнаженный’, ‘лысый’ [КПРС: 206] (см., напр., производное *кушин* «плешина, безлесное место; вырубленный участок, вырубка» [КПРС: 207]), кз. *куш* ‘пустой’, ‘голый, оголенный; обнаженный’, вв., вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. ‘пустырь; безлесное место’, вв. (Виш.) ‘безлесное болото’ [КСК 1: 781], кз. *куш* ‘поляна, полянка, голое место’, удм. *куш* ‘лесная поляна’, а также эрз. *кужо* ‘поляна’, ‘место для хоровода’, мокш. *кужа* ‘поляна, прогалина’ [КЭСКЯ: 148]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 156–157].
- (30) *лѐля* ‘улитка’ (Тимина Юрл.) [СРГКПО: 137], (Лямкино Кар.; Пыскор Ус.), *лѐлька* (Сива Сив.) «улитка, которая паразитирует на огородных растениях. Слизень» [СПГ 1: 471] < коми, ср. кп.

лэль ‘улитка, слизняк’, кз. вс., лл., печ., скр., сс. *лэльö*, нв. *лэле*, лл. *лёлё* и др. ‘улитка; гусеница’ [КСК 1: 834, 835]. Коми лексика возводится к оп. **l’ol’*- [КЭСКЯ: 159].

- (31) *ни́ндуль* (Кривцы Гайн.) [КСРГСПК], *ми́ндуль* (Ананькина Юрл.) [СРГКПО: 149], (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК] ‘гриб валуй (*Russula foetens* Pers.)’ < коми, ср. кп. *ниндуль* ‘валуй (гриб)’ [КПРС: 274], кя. *н’имд’ул* ‘валуй (гриб)’ [Лыткин 1961: 154], кз. сс. *миндуль* ‘название гриба’ [КСК 1: 919]. Т. Н. Меркушева полагает, что название *ниндуль* является собственно кп. образованием и значит букв. ‘лыковая слюна’ или ‘липовая слюна’ [Меркушева 2003: 62, 76, 87]. Впервые коми этимология для сходных рус. данных предложена в [Матвеев 1964: 300], также см.: [Мызников 2019: 530].
- (32) *но́мор* ‘мелкие насекомые’ (Илаб Сол.), ‘маленькие дети’ (Редикор Черд.) [КСРГСПК], *но́мырь*, *номоря́та*, *номыря́та* «собирает. о маленьких детях» (Пож, Юм Юрл.) [СРГКПО: 163–164] < коми [СРГКПО: 30–31; Зверева 2007: 479–480, 2012: 108], ср. кп. *но́мыр* ‘червь, червяк; черви (в разлагающихся организмах)’, ‘скопление мелких насекомых’, ‘(перен.) выводок, множество детей’ [КПРС: 277]. Кп. лексика имеет когнаты в кз. и удм., на основе чего восстанавливается оп. **nomir* [КЭСКЯ: 194]. Также см.: [Мызников 2019: 532].
- (33) *но́рос* ‘изгиб реки’ (Ил.; Кар.) [Кривошекова-Гантман 1981: 50] < коми [Кривошекова-Гантман 1981: 50], ср. кп. истор. *норыс*, *но́рöс* [Рогов 1869: 107], совр. *но́рыс*, *но́рыс*, *но́рöс*, *но́рöс* ‘гривка, небольшая возвышенность, холм, бугор, увал между логами’ [Кривошекова-Гантман 1974: 37–38], кя. *нэ́рис*, *нэ́рис* ‘бугор, возвышение между двумя лощинами’ [Лыткин 1961: 151], кз. лл. (Лет., Сл.) *но́рöс*, печ., уд. *но́рыс* ‘излучина, крутой поворот; изгиб (реки)’ и др. [КСК 1: 1017]. В коми языках исконно [КЭСКЯ: 195]. Известно в местной топонимии (Гайн.; Красн.; Куд.; Юсьв.) и на территории Республики Коми, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 223–225]. Также см.: [Мызников 2019: 534].

- (34) *нёрка* (Морозково Сукс.), *нерóвка* (Усть-Иргино Сукс.) ‘мелкая щука’. Ср. (Свердл.) [Гайдамашко 2020: 419] < манс., ср. манс. тавд. (БЧ, Ян.) *ńerki*·, нк. (Нахр.), ск. (Леуш) *ńark*, пел., св. (Кама), юв., нл. (Куз.) *ńirká*, св. (Заоз.) *ńirke*, сосъв. *ńirki* ‘маленькая рыба, молодая рыба (окунь, ерш)’ [WW 2013: 550]. Подробно см.: [Гайдамашко 2020].
- (35) *нърры* (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 66], (Акчим Красн.) [АС 3: 86], (Вёлгур, Мартино Красн.) [КСРГСПК], *нърки* (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 66], *нърók* (Акчим Красн.) [АС 3: 86] ‘охотничьи сапоги из оленьей кожи’ < манс. [Kalima 1927: 33; Матвеев 1959: 66; Мызников 2019: 545], ср. манс. тавд. (БЧ, Ян.) *ńerã*·, нк. (Нахр.) *ńãrã*, ск. (Леуш) *ńẽrã*, вк. (Шаим) *ńẽrã*, пел., св. (Заоз.) *ńẽrã*, св. (Кама) *ńã`rã*, юв. *ńãrã*, нл. (Куз.) *ńẽrã*, сев. *ńãrã* ‘обувь (из меха с ног оленей, лосей), сапоги’ [WW 2013: 548].
- (36) *оль* ‘редкий невысокий лес на низких сырых местах’ (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 32, 1964: 300], (Дий Черд.) [КСРГСПК] < коми [Матвеев 1959: 32, 1964: 300], ср. кп. *оль* «согра (березово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах)», ‘сырое, болотистое место’ [КПРС: 292], кз. вв., вым. (Весл., Кок., Кони, Онеж., Синд.), нв., печ., скр. (Слб.), сс., уд. (Мез.) *оль*, нв. *ольвыв*, печ. (Пкч.) *оль-тас* «согра, сырое травянистое место с мелким лесом» [КСК 1: 1072–1073]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 233–235]. Также см.: [Мызников 2019: 555].
- (37) *першук* (Акчим Красн.) [АС 4: 40], (Романиха Красн.) [Кривощекова-Гантман 1981: 52], (Вёлгур Красн.; Вильгорт, Купчик, Цыдва, Черепаново Черд.) [КСРГСПК], (Нюзим, Тиминская Черд.) [МЭ], *персук* (Бондюг Черд.) [КСРГСПК], *перш* (Акчим Красн.) «разновидность лесных птиц — небольшая птица с серым оперением, питающаяся семенами хвойных деревьев, преимущественно кедра» [АС 4: 40], ‘кедровка, ореховка (*Nucifraga caryocatactes*)’ < коми [Матвеев 1964: 302;

Кривошекова-Гантман 1981: 52; Мызников 2019: 599], ср. кя. *пэрк* ‘кедровка’ [Лыткин 1961: 162], кз. вв. (Крч., Нёб.), иж., лл., печ., скр. (Койт.), сс. *перк* ‘кедровка или ореховка’ [КСК 2: 99]. Отсутствие слова в кп. источниках может быть обусловлено ареалом обитания птицы в Приуралье, к востоку от территории бытования совр. кп. говоров.

- (38) *пырѳм* ‘укрытие, образуемое поваленными деревьями, кустарником, занесенное снегом’ (Акчим Красн.) [АС 4: 163] < коми. Ранее [Кривошекова-Гантман 1981: 53–54] предлагалось сравнение с кп. *пырѳм* — прич. от *пырны* ‘заходить, зайти, входить, войти’, ‘лезть, влезть, залезать, забираться; пробираться’, ‘проникать, просачиваться’ и др. [КПРС: 391–392], также ср. кя. *пѳрнѳ* «заходить, зайти; проникать, проникнуть (например, вода в лодку), воткнуться (например, топор в дерево)» [Лыткин 1961: 169], кз. *пырны* ‘заходить, зайти, входить, войти; лазить, лезть; залезать, залезть’, ‘проникать, проникнуть’ и др. [КСК 2: 260]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 246–248]. П. С. Злобин при обсуждении черновика данной статьи предложил более корректное сравнение — с кп. *пѳрѳм* [пуэз] ‘валежник’, кз. *пѳрѳм* ‘бурелом’ при *пѳрны* ‘падать, валиться, опрокидываться (о деревьях, поваленных ветром)’.
- (39) *рып* ‘нарост на дереве из очень прочных слоев’ (Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 71], (Акчим Красн.) [АС 5: 40], (Усть-Улс Красн.) [СРГСПК 1: 47–48], (Нырѳб Черд.; Марино Красн.) [КСРГСПК] < манс. [Матвеев 1959: 71], ср. манс. сев., сл., пел. *rĕrĕs* «рябой, мягкий свол, пеганная, березовая своль (átrepül egyik nyírfágól a másikra)» [WW 1986: 499], пел. *rĕrĕś*, сосьв. (Сарт.) *rĕrĕś* ‘свилеватое дерево’ (“Maserholz”), вл. (НИ) *rĕrĕś* ‘березовая свиль (довольно мягкая, волокнистая древесина; из нее делают рукоятки ножей и чашки)’ [WW 2013: 691].
- (40) *сĕрд* ‘отдаленный участок леса’ (Коса Кос.) [Полякова 2007: 407] < коми, ср. кп. сев. *сĕрд* «дальний, по представлениям

местных жителей, участок земли: дальнее поле, дальний лес, задворки, кулички» [Кривошекова-Гантман 1974: 40], кп. коч., кя. *s'ord* ‘задняя часть какой-нибудь площади (полатей, поля)’ [КЭСКЯ: 253], кз. вв. (Бог.), вым. (Кони), нв., скр., сс. (Чухл.) *сёрд* ‘ельник в низинной местности’ [КСК 2: 359]. Коми лексика возводится к общекоми **s'ord* [КЭСКЯ: 253]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 254–255].

- (41) *сирин* ‘задняя часть, тазовая кость лося’ (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 35, 1964: 303] < коми [Матвеев 1959: 36, 1964: 304–305], ср. кз. *сирин* вв. (Бог.), иж., уд. ‘крестец’, уд. ‘задний проход (у коров)’, печ. *сирим дзуля*, вв. (Бог.) *сирин дзуля*, вым. (Весл., Кони) *сиринь* ‘крестец’, уд. *сирин дін*, иж. *сирин лы пом*, вым. (Кони) *сиринь пом* ‘вертлуг’ [КСК 2: 378]. В КЭСКЯ коми лексика под вопросом сравнивается с созвучными, но далекими по семантике мар. и венг. данными [КЭСКЯ: 257], хотя, по нашему мнению, в коми это композит при повс. *сир* ‘смола || смолистый’ и *ин* ‘место’. Также см.: [Мызников 2019: 738].
- (42) *тола́* ‘сугроб, надув, скопление снега’ (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 35; 1964: 304], *тола́*, *то́лки*, *то́лы* «о значительных, возвышающихся наносах снега на земле или на крышах» (Акчим Красн.) [АС 6: 23, 24, 27], *то́лы* (Мартино Красн.) [КСРГСПК], *то́лы* «наплывы, гребни на сугробах» (Тауш Черн.) [СРГЮП 3: 234] < коми [Матвеев 1959: 36, 1964: 304–305] (обратное направление см.: [Лыткин 1955: 120]), ср. кп. *стола́*, *тола́*, иньв. *стоа́*, *тоа́*, *стова́*, *това́* ‘сугроб; занос’ [КПРС: 451, 476], кя. *тола́* ‘сугроб’ [Лыткин 1961: 186], кз. вв., вым., иж., нв., печ. (Аб., У.-И.), скр., сс., уд. *тола* ‘снежный занос; сугроб’ [КСК 2: 540]. Подробно и с обоснованием направления заимствования рус. < коми. см.: [Гайдамашко 2016: 34–39].
- (43) *туга́н* ‘молодые побеги сосны, используемые в народной медицине’ (Юм Юрл.) [СРГКПО: 241] < коми, ср. кп. *туга́н*

‘весенний побег молодой сосны’ [КПРС: 491], кз. повс. *туган*, скр. (Выльг.) *туг* ‘верхушка, вершина (дерева)’ [КСК 2: 576]. Коми лексика исконна, подробно см.: [КЭСКЯ: 285].

- (44) *тулум* (Ивакинский Карьер Ал.; Быгель Березники) [Полякова 2007: 378], (Растес Ал.) [Матвеев 1959: 36, 1964: 305; СРГСУД: 535], *тулым*, *тулымник* (Дий Черд.; Акчим, Писаная, Усть-Улс Красн.) [Матвеев 1959: 36, 1964: 305] ‘порог, скопление больших камней в русле реки’ < манс. (~ кя.?). А. К. Матвеев ранее возводил к кя. источнику [Матвеев 1959: 36], ср. кя. *тулём* ‘порожистое место в реке, с крупными камнями, перекат’, *тулёмá* ‘каменистый с перекатами, с порогами (о реке)’, *тулёмáлнө* ‘бурлить, быстро течь (о порожистом месте в реке)’ [Лыткин 1961: 187], с дальнейшими сравнениями с гидронимией Карелии и Кольского полуострова (в названиях порожистых рек) и вопросом: «Протосаамский субстрат?» [Матвеев 1959: 36]. Позже были добавлены и тунгусо-маньчжурские данные со значением ‘камень, скала; каменистый’ [Матвеев 1964: 305]. Автором была предложена манс. этимология прикамского диал. слова [Гайдамашко 2014: 275–279], ср. манс. сев. *tülèm* ~ *tüwlèm*, сл. *tülèm*, пел. *tülèt* ‘тучный, откормленный (о лошади)’ (см. в названиях гор: сев. *tülèm-lü-pali-ur*, сл. *tülèm lü-lü-päl-ur*) [WW 1986: 676], также см.: [Матвеев 2011: 103]. При верно выбранном направлении заимствования — ареал русского слова в Прикамье указывает скорее на манс. происхождение, см. примеры *кулун* (28), *юкора* (62) и местную топонимию [Смирнов 2012] — этимология неудовлетворительна в отношении семантики. В любом случае если проникновение кя. лексики в Верхнее Привишерье (*тулым*, *тулымник*) допустимо (ср. *гуркан* (13)?), то ее неспорадическое распространение в бассейнах Косьвы и Яйвы (*тулум*) вряд ли объяснимо. В бассейнах Косьвы и Яйвы — субстрат «угорского» типа? Когнат кя. лексики или ее источник?
- (45) *туман* ‘проточное озеро’ (Акчим Красн.) [АС 6: 48] < манс., ср. манс. сев., сл., нл., пел. *tumèn*, конд. *tomèn* ~ *tumèn* ‘озеро,

- через которое протекает река' [WW 1986: 679]. Впервые этимология прикамского диал. слова предложена в [Gaidamaško 2013: 210] по аналогии с материалами ранних полевых записей А. К. Матвеева в Гаринском районе Свердловской области [Матвеев 1958: 76, 1959: 75]. Подробно см.: [Гайдамашко 2013: 59–60, 2014: 279–281].
- (46) *ту́на* 'сова' (Лысёхино Кар.) [СПГ 2: 454], *тупка* 'сыч, сова' (Сол.) [Кривошекова-Гантман 1981: 52] < коми [Кривошекова-Гантман 1981: 52; Мызников 2019: 808], ср. кп. *ту́пка* 'сова; филин' [КПРС: 493], истор. *тупка* 'сыч', *тупка сјузј* 'сова' [Рогов 1869: 164], также кз. *тупъюр* 'сова' [КЭСКЯ: 286], лл., печ., сс. *тупъюр варыш* 'лапландская сова, или каменная неясить' [КСК 2: 586]. Коми лексика исконна [КЭСКЯ: 286–287].
- (47) *тупо́ска*, *тупо́ська* (Юм. Юрл.), *тупо́шька* (Сергеева Юрл.) 'творожная запеканка, оладья (без крупы)' [СРГКПО: 242] < коми, ср. кп. *тупо́сь*, *тупо́ська* 'булочка, плюшка' [КПРС: 494], кз. скр. *тупо́сёк*, вс., вым., лл., нв., печ., сс., уд. (Гл.) *тупо́сь*, вс. (Кг.), лл. (Зан., Пр., Сл.) *тупо́ська* 'небольшой круглый хлебец из ржаного теста', лл., скр. *тупо́сь* 'коврига, каравай' [КСК 2: 586]. *-шь-* в рус. слове отражает «шепелявый» характер коми глухого альвеопалатального спиранта [ɟ]. Сравнение с коми предложено: [КЭСКЯ: 286]. Также см.: [Зверева 2008: 494].
- (48) *турасный* «крепкий, красивый» (Малые Долды Черд.; Егва Ил.) [СПГ 2: 455] < коми, ср. кз. *тураса* вым. (Кони), печ. (Аб.) 'объемный, большого объема, громоздкий', печ. 'плотный, полный, крепкий, коренастый' при кз. вв., вс., вым., лл., печ., скр., сс. *турас* 'объем, величина' [КСК 2: 587]. Дальнейшее сопоставление коми лексики с фин.-угор. данными см.: [КЭСКЯ: 287].
- (49) *тусь* (Ныроб, Цыдва Черд.; Тиуново Гайн.), *тюс* (Марушева Черд.) 'ячменная крупа крупного помола' [КСРГСПК] < коми, ср. кп. *тусь* 'зерно (злаков)' [КПРС: 496], кя. *түс* ' (*түс'өн*)

- ‘зерно’ [Лыткин 1961: 189], кз. *тусь* вв., вс., вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. ‘зерно, зернышко’, уд. ‘зерно, жито (в закромах)’, вв. (Бог.), уд. ‘мельчайшая частица, крупица, крупинка, кроха, крошка, зернышко чего-л.’ и др. [КСК 2: 593]. Коми слова и удм. *тысь* ‘зерно, семя’ восходят к оп. **tus*’ [КЭСНЯ: 288; ср.: Csúcs 2005: 387], которое заимствовано из болгарского языка (т. е. не раньше конца VIII в., а скорее всего — в IX–XII вв.) [Напольских 2015: 170, 491]. Любопытно, что вокализм рус. слова, отмеченного в Марушева Черд. (*тjос*), близок к вокализму кя. лексики. Сравнение сходных рус. данных с коми предложено: [Матвеев 1964: 305]. Также см.: [Зверева 2008: 494, 2012: 106].
- (50) *уль* ‘сырое, болотистое место в лесу’ (р. Вишера) [Мурзаев 1984: 576] < манс., ср. манс. пел. *βūl*’ ‘заболоченное место, заросшее кедром’, нл. (Куз.) *ūl*’ ‘местность, заросшая кустарником, невысоким лесом’ («mit Gestrüpp bewachsene Gegend, der Wald ist nicht besonders hoch | согра») [WW 2013: 149]. Также см.: [Матвеев 1959: 76; Гайдамашко 2014: 233–235].
- (51) *ўмра* (Акчим Красн.) [АС 6: 76], (Лямкино, Нердва Кар.; Нилиги Ил.) [СПГ 2: 475], (Говорливое Красн.; Бондюг Черд.) [КСРГСПК], *му́мра* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 152], (Бондюг, Очго-Кошелева Черд.) [Васёв 2006: 25], (Нырб, Рожнёво Черд.) [КСРГСПК], *му́рмянка* (Сивково Сукс.) [СРГСУД: 311], *мы́мра* (Кривцы Кос.) [СРГКПО: 153] ‘болиголов пятнистый (*Conium maculatum* L.)’, *му́мренка* (Морозково Сукс.), *мумры́нка* (Сажино Сукс.) ‘растение дягиль’ [СРГСУ 2: 147], *му́рмянка* (Брехово Сукс.) «невысокая трава, растущая возле жилья» [СРГСУД: 311] < коми, ср. кп. сев. *о́мра* ‘дягиль, дудник’, *ўмра* ‘дягиль’ [КПРС: 293, 513], кя. *ўмра* ‘дудник (трава)’ [Лыткин 1961: 191], «дудник, из стебля которого делают свирель» [КЭСНЯ: 205], кз. вв., вым., иж., нв., печ. *омра* ‘дудник, дягиль’, вв., иж., нв., печ. *омра гум* ‘то же’, вв. *омра пöлян* ‘дудник лесной, дягиль лекарственный’ [КСК 1: 1075], вс., лл., сс. *умра* ‘дудник, дягиль’ [КСК 2: 659], лл. *умра гум* ‘дудник

- (дягиль)’ [Ракин 1989: 54]. Считается, что коми лексика послужила источником удм. слоб. *омбро* ‘болиголов’ [Максимов 2016: 114–115]. Далее в фин.-угор. семье коми слова сопоставляются с эрз. *умбрав* ‘щавель’, на основе чего восстанавливаются допермская праформа **umbra* [КЭСКЯ: 205] и финно-пермская — **om(p)ra* [UEW 2: 718]. Допускается, что в фин.-угор. языках это иранское заимствование [UEW 2: 718]. Подробно см.: [Гайдамашко 2017b: 318–324].
- (52) *урдым* (Нырб Черд.) [Полякова 2007: 385–386], (Рожнёво Черд.) [КСРГСПК], *урдымо́к* (Адамово, Рожнёво Черд.) [КСРГСПК] ‘неширокая лесная дорога’ < коми [Полякова 2007: 385–386], ср. кз. вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. *ордым*, вв. *ордiм* ‘тропинка, лесная дорога’, вым., иж., нв., печ., скр., сс., уд. *ордым*, вв. *ордiм* ‘просека’ [КСК 1: 1081], удм. *урдым* ‘плетень’ [КЭСКЯ: 207]. Коми(-пермяцкое?) слово, запечатленное в субстратном наследии рус. говоров Чердынского района, видимо, отражает иной, нежели в совр. кз. лексике, вокализм анлаута, близкий к удм. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 289–291].
- (53) *чешья́н* ‘головной платок’ (Кедровка Черд.) [КСРГСПК] < коми [Зверева 2012: 107], ср. кп. *чышья́н* ‘платок’ [КПРС: 550], кз. повс. *чышья́н* ‘платок’ [КСК 2: 749]. Коми лексика исконна [КЭСКЯ: 315].
- (54) *чибо́лька* ‘жеребенок’ (Пож Юрл.) [СРГКПО: 260] < коми, ср. кп. *чи́би*, *чи́бу* ‘жеребенок’, дет. ‘лошадка’, кп. *чи́ба-чи́ба* ‘междометие, которым подзывают жеребенка’, *чи́бу-чань* ‘жеребенок’ [КПРС: 534], кз. нв. *чиб*, вв. (Крч.) *чибе*, уд. *чибей*, лл. (Чтв.) *чиби*, вс., нв., печ., скр., сс., уд. *чибö*, уд. *чибöй*, вс. (Гр., Кг.) *чибöти*, иж. *чибук* ‘жеребенок’, вв. (Бог.) *чибе* ‘жеребенок от года до трех лет’, вв. (Крч.) *чиб-чиб*, нв., скр. *чибö-чибö*, вв., лл. (Пор., Чтв.), сс. *чиб-чиб* ‘возглас, которым кличут жеребят’ [КСК 2: 702, 703].
- (55) *чiскать* ‘мочиться’ (Юрла Юрл.) [СРГКПО: 260]. Ср. междометие *чись-пись* ‘призыв помочиться’ (Омутн. Киров.)

- [сообщение П. С. Злобина] < коми, ср. кз. дет. вс. (Кб.), иж., лл. (Чтв.), сс. (Меж., Ыб) *чисъны*, лл. (Об.) *чисъыны*, уд. (Гл.) *чишны* ‘мочиться, помочиться’ [КСК 2: 717, 718, 719]. Также см.: [Мызников 2019: 881]. Коми слова далее могут быть сопоставлены с луг. *чысыкташ*, горн. *цѳисѳиктѳиш* ‘помогать ребенку мочиться’, горн. дет. *цѳисѳѳлѳиш* ‘писать, мочиться’, чув. *чѳс*, *чис* ‘призыв помочиться’ и др. [сообщение А. В. Савельева].
- (56) *чишнуть* ‘гореть’ (Юм Юрл.) [СРГКПО: 261] < коми, ср. кп. *чискыны* ‘гореть, сгорать (без пламени)’ [КПРС: 539], кз. вс. (Гр.), иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. (Гл.) *чискыны*, вым. (Кони), скр. *чискавны*, печ. *чискальны*, вв. (Бог.) *чиска-пискакыыні*, вс. (Кб., Кг.) *чискесъны*, вв. *чискині*, вым. (Кони) *чискооны*, вс. (Кб.) *чискѳччыны*, уд. *чишка-чушкакыыны*, *чушійисъны*, *чушкѳтчыны*, *чушкыны*, *чушъявны* ‘тлеть, гореть тля (о сырых дровах)’, лл. (Об.), нв., скр., уд. *чишкавны*, вс., печ., сс. *чишкалны*, вв. (Бог.) *чишкооні*, вым. *чишкооны* ‘палить, опалить, спалить, подпалить, припалить’ [КСК 2: 717, 718, 719, 747, 748] и мн. др. Коми лексика исконна и восходит как минимум к допермскому слою [КЭСКЯ: 308]. Также см.: [Мызников 2019: 883].
- (57) *чурк* (Сидорова Куд.), *чурѳк* (Романиха Красн.) [Полякова 2007: 402], (Воронья Красн.) [КСРГСПК], *чурѳк*, *чурѳчек* (Акчим Красн.) [АС 6: 210–211] ‘невысокое скалистое возвышение, обычно на берегу реки’ < коми, ср. кз. устар. *чурк* ‘бугор, возвышающееся неровное место’ [Кривошекова-Гантман 1981: 51; КЭСКЯ: 314], вв., вс., нв., сс. *чурк* ‘резко возвышающееся место, бугор’ [КСК 2: 744]. Коми слово надежно возводится только к общекоми **č’urk*, дальнейшие сравнения [КЭСКЯ: 314] вызывают вопросы. Топонимия известна в Красновишерском районе Пермского края, в Республике Коми и спорадически в Свердловской области, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 300–303]. В зоне недавних контактов (Куд.) сохранена основа, близкая к источнику, в то время как на территории более ранней ассимиляции (Красн.) основа (вследствие паронимической аттракции?) обрела эпентетический гласный.

- (58) *чушни* ‘толстые носки’ (Полва Куд.) [СРГКПО: 262] < коми, ср. кп. устар. *чушни́* ‘мягкая [самодельная] домашняя обувь’ [КПРС: 550], кз. *чушни* вв. (Крч.) ‘погребальная обувь из белого холста’, сс. (Чухл.) ‘вид охотничьей обуви’, вв. ‘валяные головки, калоши (зимняя обувь)’, *чуши* сс. ‘вид охотничьей обуви’, нв. (Паль) ‘домашние тапочки’, лл. (Зан.) *чоши* ‘домашние тапочки’ [КСК 2: 724, 747, 748].
- (59) *шóмша* «блюдо из вареных пиканов с квасом» (Пож Юрл.) [СРГКПО: 267], *шóмша* (Дий Черд.) [Матвеев 1959: 40], (Марушево, Ныроб Черд.), *шóмша* (Цыдва Черд.) [КСРГСПК] ‘каша из распаренного несмолотого зерна пшеницы, ячменя, ржи или перловки, заправленная суслом’ < коми [Матвеев 1959: 40, 1964: 309], ср. кп. *шóма шыд* ‘суп из перловой крупы (букв. кислые щи)’ при *шóма* ‘кислый’ и *шыд* ‘суп, щи’ [КПРС: 566, 575], кз. уд. *шома шыд* ‘кислые щи; рассольник’ [КСК 2: 789]. Также см.: [Зверева 2008: 495].
- (60) *шор* ‘ручей’ (Егва, Кудымкар Куд.; Майкор Юсьв.) [Полякова 2007: 404], (Жикус Черд.) [КСРГСПК] < коми [Полякова 2007: 404], ср. кп. *шор* ‘ручей || ручьевой’, истор. ‘источник, ключ’ [КПРС: 565], кя., кз. повс. *шор* ‘ручей’ [Лыткин 1961: 199; КСК 2: 792]. Исконно в фин.-угор. языках [КЭСКЯ: 322; Csúcs 2005: 384]. Широко распространено в топонимии северной части Пермского края, Республики Коми и сопредельных территорий, подробно см.: [Гайдамашко 2014: 306–308].
- (61) *шуль* ‘узкая полоса бересты или лыка для плетения корзин, лаптей и т. п.’ (Дуброво Ел.; Жуланово Сол.) [СПГ 2: 562] < коми [Матвеев 1964: 309], ср. кп. *шуль* ‘узкая полоска лыка, бересты (для плетения лаптей)’ [КПРС: 570], кя. *шўл* (*шўл’ис*) ‘узкие полоски бересты для плетения’ [Лыткин 1961: 201], кз. вв., вс., лл., печ., сс. *шуль* ‘узкая полоса лыка, бересты (для плетения лаптей)’ [КСК 2: 808]. Исконно в перм. языках [КЭСКЯ: 323–324; Csúcs 2005: 382]. Также см.: [Зверева 2008: 493; Мызников 2019: 941].

- (62) *юкора* ‘вывернутое с корнем дерево’ (Растес Ал.) [Матвеев 1959: 80] < манс. [Матвеев 1959: 80], ср. манс. сев., сл. *jēkwēr*, пел. *jēkwēr*, конд. *jēkur* ~ *jēkwēr*, тавд. *jukä`r* «kidölt fa gyökere földestül, выскерь, кокора | Windbruch-Wurzelstock mit Erde» [WW 1986: 153], также тавд. (Ян.) *iŷkä`r*, нк. (Нахр.), вк. (Шаим) *iē.kβr*, ск. (Леуш) *iĕè.kβr*, пел. *i'ēkər*, св. (Заоз.) *iē.kβr*, юв. *iē.kβʳ*, нл. (Куз.) *iē.gβr*, сл. (Перш.) *iē.kβr*, вл. (НИ) *iē.kβār*, сосьв. (Сарт.) *iē.kβar* ‘корни упавшего дерева (с прилипшей к ним землей)’ [WW 2013: 200]. Как видно, вокализм субстратной манс. лексики, послужившей источником рус. слова в Прикамье, близок к вокализму тавд. диалекта.
- (63) *яг* ‘бор’ (Сенькино Добр.; Коса Кос.) [Полякова 2007: 407] < коми [Полякова 2007: 407], ср. кп. *яг* ‘молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’, диал. ‘кладбище’ [КПРС: 592], кз. *яг* повс. ‘бор’, вс., иж., сс., уд. ‘лес || лесной’ [КСК 2: 875]. Относится к фин.-угор. наследию [КЭСКЯ: 337; Csúcs 2005: 337]. Подробно см.: [Гайдамашко 2014: 315–316].

3. Выводы

Приведенный перечень финно-угорских субстратных лексем в русских говорах Пермского края не является исчерпывающим. В настоящем исследовании рассмотрено около 120 слов, составляющих 63 лексических гнезда. При этом список лексем финно-угорского происхождения, выявленных автором в экспедициях и различных источниках, насчитывает более 3000 позиций, из которых как минимум треть относится к местному субстратному слою. Тем не менее даже на таком ограниченном материале, как в данной статье, можно сделать некоторые предварительные наблюдения.

В русских говорах Пермского края выделяется два основных типа финно-угорского субстрата — коми и мансийский:

- а) коми субстрат в большинстве случаев можно сопоставить с материалом современных коми-пермяцких, коми-зырянских диалектов, коми-язьвинского языка, однако на уровне фонетики и семантики при этом могут наблюдаться расхождения;
- б) мансийский субстрат можно сравнить с данными того или иного мансийского диалекта по записям 1880-х — 1900-х гг. (часто именно с говорами западного и южного диалектов, угасшими к настоящему моменту).

Ранее нами постулировалось наличие в русских говорах Пермского края также третьего субстратного типа — коми-язьвинского адстрата, который якобы фиксируется в лексике охотничьего промысла и проявляется в русских диалектах на территории более широкой, чем ареал современного коми-язьвинского языка (очевидно, из-за междиалектного характера охотничьей терминологии) [Gaidamaško 2013: 209; Гайдамашко 2014: 73–75, 351], однако это предварительное наблюдение пока что не нашло достаточного основания.

По результатам исследования в пределах региона можно очертить ареалы коми и мансийского языковых субстратных типов. Далее эти ареалы нанесены на карту Северного Прикамья (см. *Рис. 2*, пояснения в *3.1.1–3.1.3*, *3.2.1–3.2.3*) и сопоставлены с имеющимися историческими и лингвистическими данными (см. *3.1–3.2*). В отдельном разделе намечены области пересечения изоглосс этих типов (см. *3.3*), после чего даны заключительные ремарки (см. *3.4*).

3.1. Коми тип

Наиболее значительный финно-угорский субстратный тип в русской диалектной апеллятивной лексике Пермского края — коми. Он встречается почти на всем правобережье Камы от истоков до бассейна Нытвы (и — спорадически — даже южнее) и на левобережье от истоков до Соликамска (включая бассейн Вишеры) и проявляется во всех тематических группах лексики.

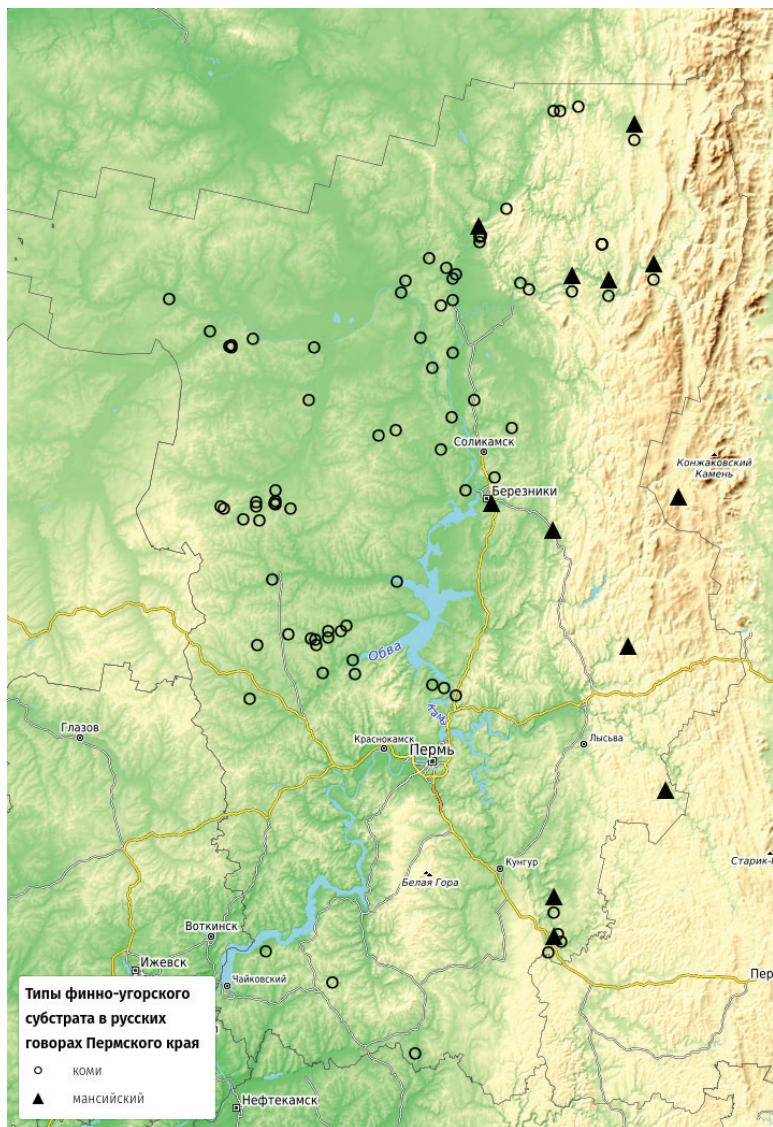

Рис. 2. Типы финно-угорского субстрата в русских говорах Пермского края
Fig. 2. Types of Finno-Ugric substrate in Russian dialects of Perm Krai

Историками признано, что в Верхнем Прикамье от Чусовского озера на севере и до реки Чусовой на юге по Каме и ее притокам «жили предки коми-пермяков, оставившие более 300 памятников родановской культуры IX–XV вв., сложившейся на основе ломоватовской», а в самой родановской культуре «выявлены два крупных варианта — северный и южный, территории которых совпадают с распространением двух диалектов [наречий. — *Р. Г.*] коми-пермяцкого языка» [Оборин 1990: 46]. Активная русификация региона (то есть после падения Великопермского княжества и вхождения его в Русское государство во второй половине XV — начале XVI вв.) способствовала дальнейшему разделению местного коми(пермяцкого) языкового континуума на несколько частей. Это разделение в свою очередь отразилось на развитии инноваций или сохранении архаичных языковых особенностей внутри диалектных (северных и южных) групп, с чем связывается сложение северного, южного, верхнекамского наречий коми-пермяцкого языка [Лыткин (ред.) 1962: 26–27], а также коми-язьвинского идиома, развивавшегося обособленно от основного коми языкового массива начиная с конца XVI в. [Лыткин 1961: 9–11 и далее] (о современном состоянии коми-язьвинского см.: [Гайдамашко, Шкуратов 2019]).

Так, например, кп. *балянянь* ~ *баляняня* ‘жимолость’ — это северно-коми-пермяцкая инновация (которая, впрочем, единично фиксируется и в нижнеиньвенском диалекте южного наречия) [Федосеева 2015: 56–57] (см. (1) в *Разд.* 2). В то же время для обозначения жимолости в южных коми-пермяцких говорах и в коми-зырянских диалектах используется исконное коми слово *ыжнёнъ* и его варианты [Меркушева 2003: 15, 47, 97; КСК 2: 832] (см. (22)). Оба эти коми слова отмечены в составе коми субстрата в русских говорах Северного Прикамья (см. *Рис.* 3) — варианты лексемы *баляняня* образуют узкую область в самой северной части Пермского края, в то время как русские рефлексy лексемы *ыжнёнъ* зафиксированы в Ильинском и Карагайском районах Пермского края, где когда-то были распространены южные коми-пермяцкие диалекты (об ареалах коми-пермяцких наречий см. [Баталова 1975: 5–10], а также *Рис.* 4) и на западе Соликамского района, в предполагаемой зоне вибрации южного и северного наречий (см. далее).

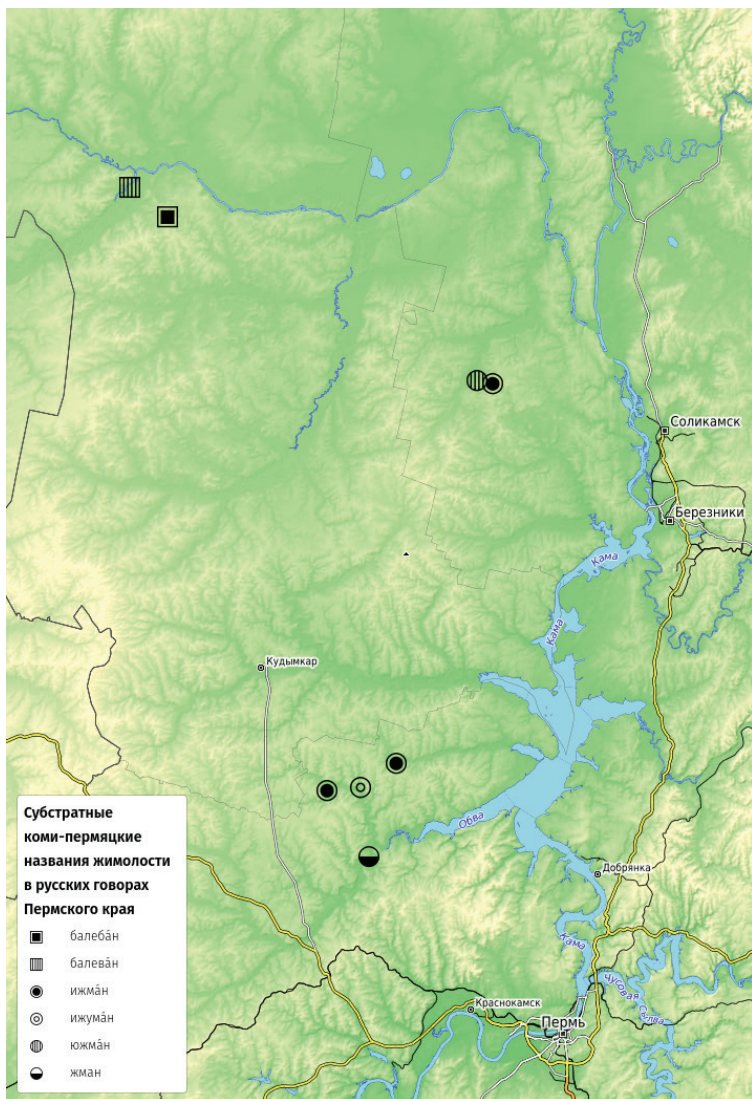

Рис. 3. Субстратные коми-пермяцкие названия жимолости в русских говорах Пермского края

Fig. 3. Substrate Komi-Permyak names of honeysuckle in Russian dialects of Perm Krai

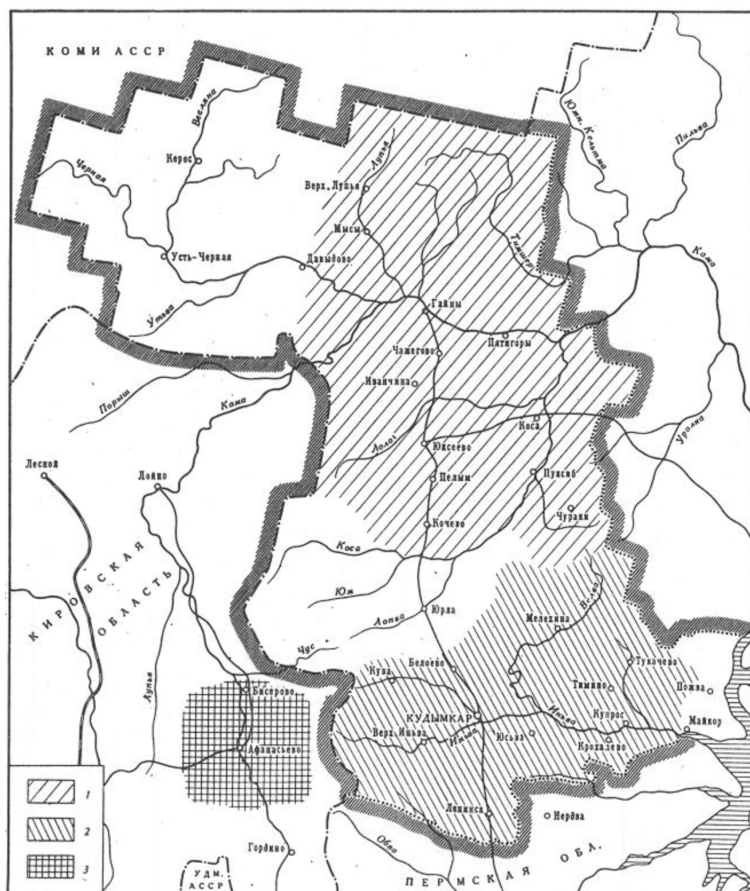

Рис. 4. Карта Коми-Пермяцкого автономного округа и наречий коми-пермяцкого языка (1 — северное, 2 — южное, 3 — верхнекамское) [Баталова 1975: 6]

Fig. 4. Map of the Komi-Permyak Autonomous Okrug and dialects of the Komi-Permyak language (1 — northern, 2 — southern, 3 — Upper Kama) [Batalova 1975: 6]

В этой связи показателен также (27), русские материалы которого отражают диалектные различия коми-пермяцкой фонетики (и, возможно, указывают на южные области распространения субстратных коми-пермяцких идиомов).

Однако все же при анализе большинства коми субстратных лексем трудно разграничить северное и южное коми-пермяцкое влияние. Из-за сложностей, возникающих при попытке языковой / диалектной идентификации коми этимона, можно выделить в отдельную группу явные заимствования из коми языков, но без возможности более точной языковой / диалектной идентификации, ввиду формального и семантического сходства предполагаемого этимона в коми языковом массиве (коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты и говоры, коми-язьвинский язык). При этом и география этих русских заимствований внутри исследуемого региона, как правило, не является релевантной для идентификации коми идиома, послужившего источником (они могут встречаться в разных ареалах, выделенных далее в 3.1.1–3.1.3).

К примерам этого (обще-)коми типа относятся: *вежáнь* (9), *дзэ́лька* (15), *елтыш* (18), *кэ́рос* (24), *ку́шка* (29), *лэ́ля* (30), *ни́нду́ль* (31), *но́мор* (32), *ту́па* (46), *тура́сный* (48), *у́мра* (51), *чурк* (57), *шóмша* (59), *шор* (60), *шуль* (61), *яг* (63).

Некоторые из этих примеров могут являться:

- 1) севернорусским (чаще всего — севернодвинским или печорским) наследием коми-зырянского происхождения, принесенным на Урал волнами крестьянских миграций и относящимся к различным временным отрезкам (например, слово *кэ́рос*, которое фиксируется и на Русском Севере [СРНГ 13: 183]);
- 2) результатом сравнительно раннего (XV–XVIII вв.) местного русско–коми(-пермяцкого) взаимодействия — и тогда, при частотности подобных фиксаций, вряд ли возможно установить ядро заимствования / субстрата (например, *ёлтыш*, *но́мор*, *у́мра* и их варианты);
- 3) относительно поздним коми-пермяцким субстратом — с ограниченным ареалом в предполагаемой зоне вибрации северного и южного пермяцких наречий, но без возможности диалектной идентификации (например, *ку́шка*).

Внутри исследуемого региона коми субстратный тип образует три ареала, два из которых — условно «севернопермяцкий» и «южнопермяцкий» — разделены западом Соликамского, севером Юсьвинского

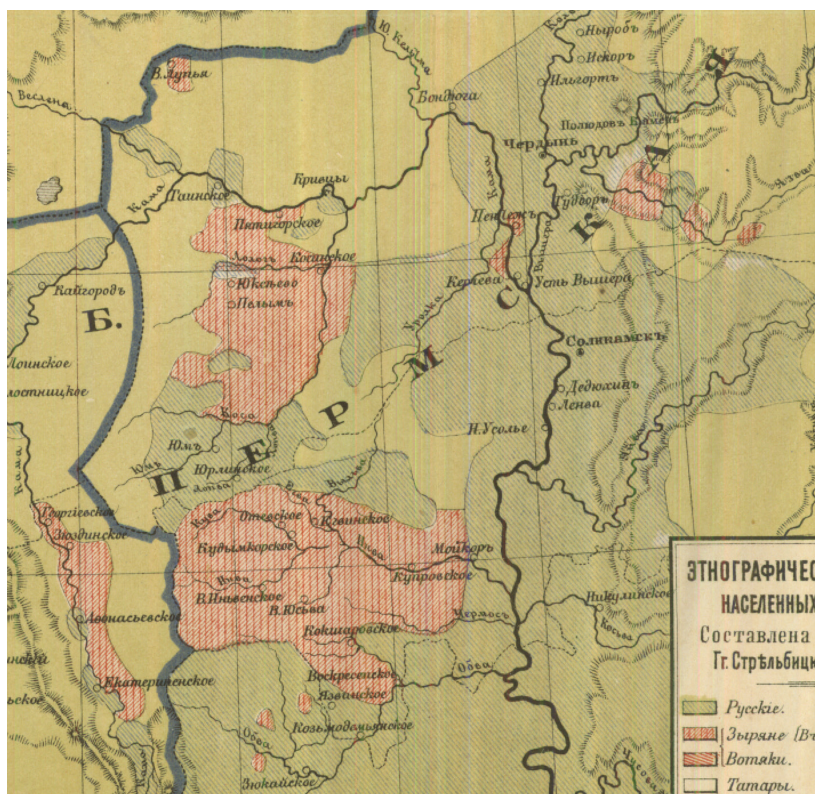

Рис. 5. Фрагмент «Этнографической карты губерний, населенных зырянами» Г. С. Лыткина (1889) с коми-пермяцким населением [Лыткин 1889]

Fig. 5. Fragment of the “Ethnographic map of the provinces inhabited by Zyryans” by G. S. Lytkin (1889) with the Komi-Permyak population [Lytkin 1889]

и югом Усольского районов, что может указывать на былую зону ви-
брации северного и южного наречий коми-пермяцкого языка в Усоль-
ском районе на правом берегу Камы¹. Третий ареал — островной,

¹ В этой связи интересен пермяцкий словарь Ф. А. Волегова 1830–1840-х гг., собран-
ный в окрестностях Усоля и отражающий, по-видимому, переходный между север-
ными и южными пермяцкий диалект (см. подробно: [Гайдамашко, Левичкин 2024]).

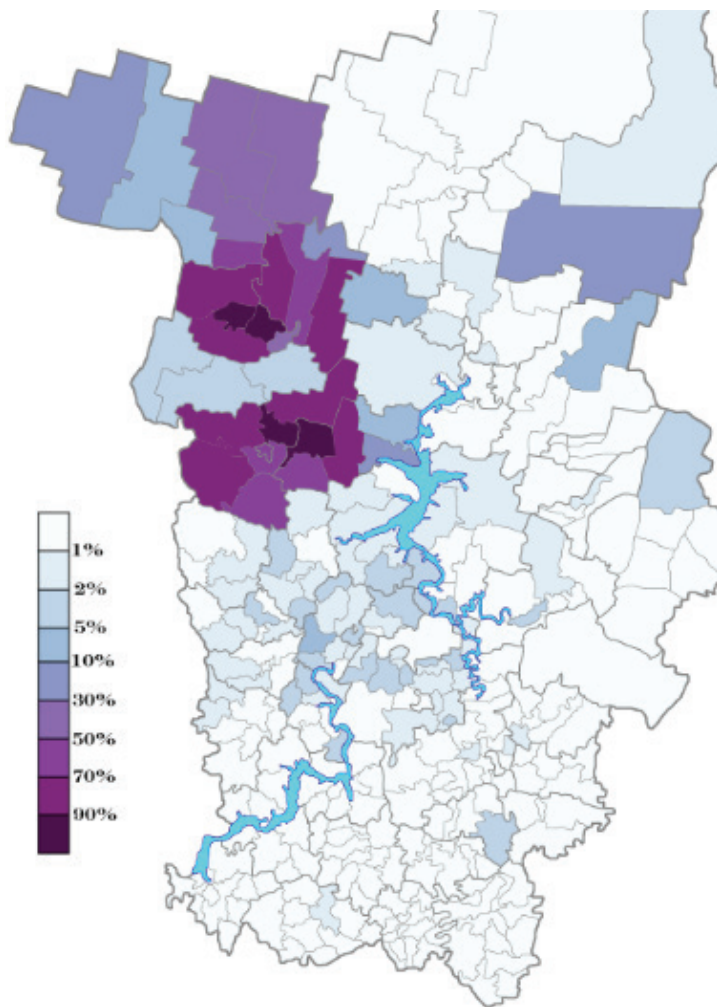

Рис. 6. Фрагмент карты «Ками-пермяки в Пермском крае по материалам Переписи населения 2010 года» (членение по сельским поселениям, городским поселениям, городским округам, 2017) [<https://acer120.livejournal.com/76224.html>]
Fig. 6. Fragment of the map “Komi-Permyaks in Perm Krai based on the 2010 Population Census” (division by rural settlements, urban settlements, urban districts, 2017) [<https://acer120.livejournal.com/76224.html>]

пролегает в Юрлинском районе, поэтому может быть условно назван «юрлинским».

Коми субстратный тип хорошо фиксируется на территории бывшей Перми Великой и чуть реже — южнее современного коми-пермяцкого ареала, что коррелирует с относительно недавними историческими данными: например, на «Этнографической карте губерний, населенных зырянами», составленной по картам Стрельбицкого и Риттиха и приведенной в труде Г. С. Лыткина 1889 г., еще показано несколько островков пермяцкого населения между Чердынью и Соликамском (см. 3.1.1), а также между крупными притоками Обвы в ее верхнем течении (см. 3.1.2), при этом юрлинский ареал (см. 3.1.3) к тому моменту был уже сплошь русским (см. Рис. 5) [Лыткин 1889]. Для сравнения можно взглянуть на карту распространения коми-пермяцкого населения по материалам Переписи 2010 г., показывающую, что южнее Коми-Пермяцкого округа пермяцкое население сегодня

Рис. 7. Фрагмент карты Ю. Б. Корякова «Диалекты коми в нач. XXI в.» (2020) с коми-пермяцкими наречиями и диалектами [http://circumpolar.iling-ran.ru/wp-content/uploads/2020/12/KOMI_all_dts.png]

Fig. 7. Fragment of the map by Yu. B. Koryakov “Komi dialects at the beginning of the 21st century” (2020) with the Komi-Permyak dialects [http://circumpolar.iling-ran.ru/wp-content/uploads/2020/12/KOMI_all_dts.png]

встречается редко (см. *Рис. 6*). Также ср. с данными карты Ю. Б. Корякова «Диалекты коми в нач. XXI в.» (см. *Рис. 7*).

3.1.1. Севернопермяцкий ареал

Севернопермяцкий субстратный тип локализуется на севере Пермского края — в Чердынском, Красновишерском, отчасти Соликамском, на востоке Гайнского и Косинского районов.

Как правило, предположение о северно-коми-пермяцкой основе русского слова обусловлено его географией — к востоку и западу от современного ареала северного наречия коми-пермяцкого языка, в достаточном отдалении от живых южных говоров. Часто соответствующая этим русским заимствованиям и полагающаяся источником коми лексика имеет ограниченный ареал бытования, фиксируется в северном наречии коми-пермяцкого языка (иногда являясь севернопермяцкой инновацией) и/или в территориально близких коми-зырянских диалектах: *балебáн* (1), *бáчка* (2), *бёрдыш* (3), *быгльáн* (5), *вад* (6), *вачбáк* (7), *вежáй* (8), *вёжур* (10), *вишья́н* (11), *гурка́н* (13), *дзас* (14), *дзизгáльник* (16), *дзюлёк* (17), *зыр* (21), *ич-мо́нька* (23), *ки́дас* (25), *киль* (26), *ко́лькиши* (27), *оль* (36), *першу́к* (37), *пырбóм* (38), *сёрд* (40), *си́рин* (41), *толá* (42), *тусь* (49), *урдым* (52), *чешья́н* (53).

По мнению историков, здесь, на севере современного Пермского края, «находился один из древних очагов коми-пермяцкого расселения» и во времена родановской археологической культуры (IX–XV вв.) «жили две (из семи) племенные группы коми — чердынско-язвинская и верхнекамская» [Александров (отв. ред.) 1989: 21]. При этом известно о древних (как минимум с IX в.) и более поздних (с XIV в. — вместе с русскими колонизаторами) переселениях сюда коми-зырян вымской культуры [Оборин 1990: 59–60].

В северной части Коми-Пермяцкого округа, в Гайнском и Косинском районах выделяется отдельная — т. н. гайнско-камская — группа русского населения. Началом русского освоения этой территории считается основание в 1539 г. Троицко-Плесинского

монастыря, хотя основная масса окрестных деревень и крестьянских хозяйств возникла гораздо позже, в XVIII — начале XIX вв. [СРГКПО: 8–11].

В нижнем и среднем течении реки Вишеры в Чердынском районе (историческое Великопермское княжество), а также на прилегающих территориях можно выделить область специфического типа коми-пермяцкого субстрата (см. такие узко локализованные примеры, как *дзизгáльник*, *зыр*, *кíдас*, *тусь*, *урдым*, *чешьян*). До русской колонизации эта территория была населена коми, архаичный диалект которых, очевидно, был переходным между северными коми-пермяцкими и южными коми-зырянскими (по Верхней Вычегде и Верхней Печоре) диалектами и, возможно, слегка отличавшимся от них на уровне фонетики (см. *урдым*). Этот диалект в некоторых чертах обнаруживает сходство и с современным коми-язьвинским языком, подтверждение чему находится в старейших из известных пермяцких рукописей этой территории за авторством Н. В. Овчинникова и прот. А. И. Попова (см. попытки установления их диалектной принадлежности: [Гайдамашко 2017а: 25–26, 2023: 359–361; Гайдамашко, Пономарева 2019: 20–21]).

Фиксации же коми субстратной лексики в русских говорах верховьев Вишеры и ее притока Колвы (например, *вачбáк*, *гуркáн*, *дзас*, *дзюлэк*, *кíдас*, *оль*, *першук*, *пырóm*, *сúрин*, *толá*), возможно, связаны с относительно поздними (XVIII — первая половина XIX в.) переселениями сюда как коми, так и русского старообрядческого населения из ранее заселенных мест Чердынского уезда [Александров (отв. ред.) 1989: 18].

При этом надо учитывать и коми-зырянское воздействие (и на дорусское пермяцкое население, и на позднее русское), так как известно о давних контактах и связях (включая родственные) верхнепечорского и верхневычегодского населения с верхнекамским, чему способствовали древние водно-волоковые пути из Колвы (притока камской Вишеры) в Нем (приток Вычегды), Волосницу и Унью (притоки Печоры); не ослабевали эти связи даже в XX в. между старообрядцами одних и тех же толков [Александров (отв. ред.) 1989: 18; Гайдамашко 2014: 37–42, 67–72, 345–346].

3.1.2. Южнопермяцкий ареал

Другой коми субстратный тип пролегает к югу и востоку от ареала южного наречия коми-пермяцкого языка — в Сивинском, Карагайском, Ильинском, спорадически в Добрянском (на правом берегу Камы) районах. Также русские деревни с коми-пермяцким субстратом располагаются в южной части Коми-Пермяцкого округа, в Кудымкарском и Юсьвинском районах [СРГКПО: 15–16].

К субстратным единицам южнопермяцкого типа относятся: *бурган* (4), *вож* (12), *ижман* (22), *норос* (33), *чушни* (58).

Кроме воздействия живых и недавно угасших диалектов коми-пермяцкого языка (оньковского, нижеиньвенского, нердвинского), уместно здесь учитывать возможность субстратного влияния со стороны давно ушедших в прошлое южных диалектов коми-пермяцкого языка — обвинского, сивинского, карагайского и др. Известно, например, что бассейн Обвы на территории современного Ильинского района был населен коми-пермяками, носителями т. н. обвинского диалекта южного наречия, а с юга и запада к обвинскому диалекту примыкали условно названные карагайский и сивинский диалекты [Баталова 1975: 8–9]. Существование всех этих диалектов также подтверждается материалами письменных памятников [Баталова 1975: 7–9], а их угасание, очевидно, связано с интенсивной строгановской колонизацией в XVIII в. и последующим освоением Иньвенско-Обвенского поречья [Александров (отв. ред.) 1989: 18].

К тому же этнопонимы Среднего Прикамья к юго-западу от Перми показывают, что «коми-пермяки проживали здесь издавна» [Матвеев 1961: 322]. По последним историко-лингвистическим данным, и освоение коми населением Северного Прикамья происходило, вероятно, из Южного Прикамья [Saarikivi 2021: 45]. В этой связи см. фиксацию рус. *кóлька* (27) и *шуль* (61) в Еловском районе.

С другой стороны, фиксации на юге Пермского края, в Еловском и Суксунском районах, могут указывать не на территорию распространения (южно-)пермяцкого субстратного типа, а на потоки относительно поздних миграций с севера и запада Прикамья на юг и восток.

3.1.3. Юрлинский ареал

Островной ареал пермяцкого субстратного типа находится в пределах Юрлинского района, со всех сторон окруженного районами, которые населены коми-пермяками. Юрлинский край начал осваиваться русскими в период крестьянского заселения Пермской земли в XVII–XVIII вв. (сперва выходцами преимущественно с Вятки, Кайгородка, Пермского уезда, Вологды и центральных областей, позже — старообрядцами из других пермских районов, кержаками, бежавшими с Волги, зюздинскими коми-пермяками и др.) [Александров (отв. ред.) 1989: 14, 15, 19–20; СРГКПО: 11–14]. Сейчас русское население Юрлинского района принято считать особой этнографической группой в иноэтничном окружении — юрлинцами [Александров (отв. ред.) 1989: 23–24; СРГКПО: 11].

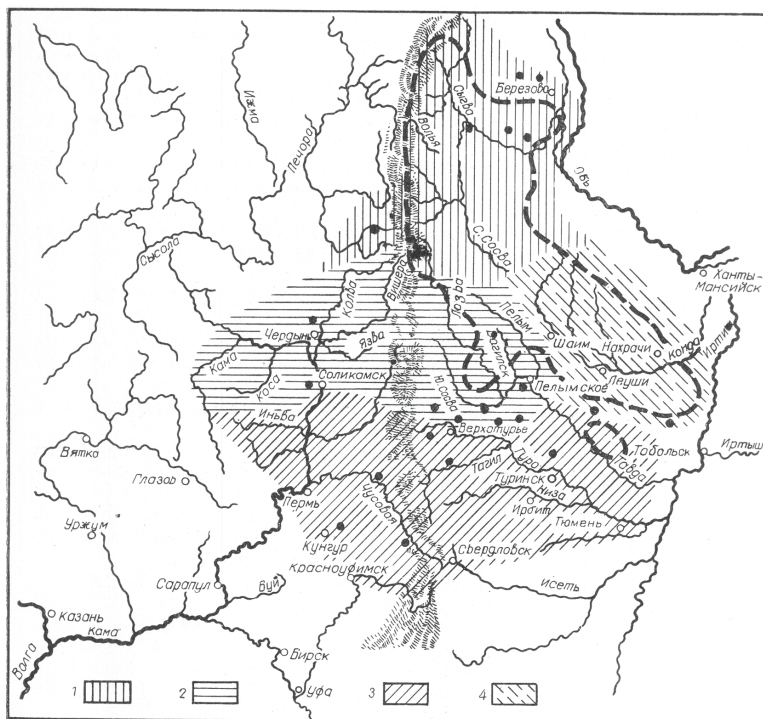
К субстратной коми лексике, зафиксированной только у юрлинцев, относятся такие примеры, как *зы́ля* (20), *туга́н* (43), *тупо́ска* (47), *чибо́лька* (54), *чи́скать* (55), *чи́шнуть* (56).

3.2. Мансийский тип

Мансийский субстратный тип представлен в русских говорах Пермского края не таким большим количеством примеров, как коми (из 63 приведенных примеров всего 9 — мансийские, остальные 54 — коми), однако на большей протяженности с севера на юг. В наши дни манси в Северном Прикамье не образуют районов компактного проживания — согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., ни один житель Пермского края не отнес себя к числу манси (даже среди городского населения).

Ранее, начиная с работ А. Ф. Теплоухова и А. Каннисто 1920-х гг. уже предпринимались научно обоснованные попытки локализации угасших мансийских идиомов Западного Урала (историю вопроса см.: [Смирнов 2012: 44–47]). Например, Я. Гуя, исследуя лексический материал мансийских диалектов Западного Урала в рукописных

документах XVIII в., очертил западные границы этих идиомов вплоть от истоков Камы на севере и до Перми и Кунгура на юге, полностью включая бассейны Иньвы и Обвы [Gulya 1958: 41; Гуя 1963: 173] (см. Рис. 8). Более осторожен в установлении западных границ былых

1 Северный диалект
Norddialekt	3 Южный диалект
Süddialekt
2 Западный диалект
Westdialekt	4 Восточный диалект
Ostdialekt

- Источник рукописи в XVIII-ом в.
Fundort der Manuscripte aus dem 18. Jh.
- Мансийские диалекты в начале XX-го века
Wogulische Dialekte am Anfang des 20. Jh.

Рис. 8. Карта распространения мансийских диалектов в XVIII в. согласно Я. Гуя [Гуя 1963: 173]

Fig. 8. Map of the distribution of the Mansi dialects in the 18th century according to J. Gulya [Gulya 1963: 173]

мансийских идиомов О. В. Смирнов, скрупулезно проанализировавший материалы живой и исторической (XVII–XVIII вв.) мансийской топонимии и подытоживающий, что к западу от Урала «географические названия с наиболее убедительной мансийской этимологией расположены в непосредственной близости от Уральского хребта в верхнем течении рек Сылва, Косьва, Яйва, Язьва, Вишера, среднем течении р. Чусовая» [Смирнов 2012: 73] (см. *Рис. 9*). Здесь же («бассейн Камы от Чердыни до Чусовой и далее на восток») территорию исторического проживания манси склонен видеть и В. В. Напольских [Напольских 2015: 192].

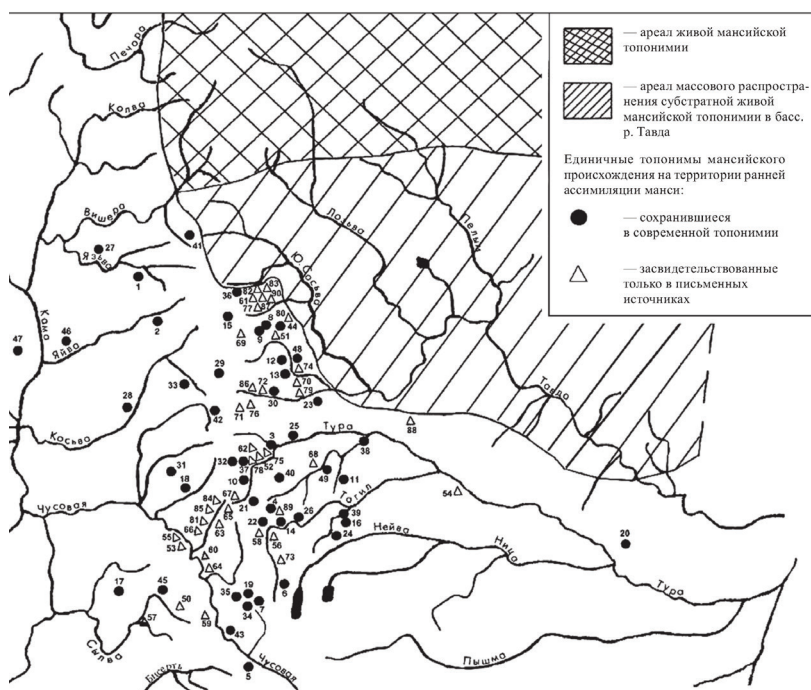

Рис. 9. Фрагмент карты субстратной мансийской топонимии на Среднем Урале [Смирнов 2012: 49]

Fig. 9. Fragment of the map of substrate Mansi toponymy in the Middle Urals [Smirnov 2012: 49]

Совпадение выводов об ареалах типов финно-угорского субстрата (*Рис. 2*) с изысканиями О. В. Смирнова не случайно и подтверждается результатами другого нашего исследования. В 2019 г. в Хельсинки на Международной научной конференции «Personal names and cultural reconstructions» мы представили постерный доклад «Finno-Ugric anthroponymy in Russian written monuments of the Kama Region of the 16th–18th centuries» (материалы не опубликованы), целью которого было установление основных типов финно-угорской антропонимии Прикамья и их географического распространения по материалам русских письменных памятников XVI–XVIII вв. По причине большого объема материала в том исследовании мы ограничились именами и прозвищами только ясачного финно-угорского населения, то есть «вогулов», «осяков» и «черемисов». Была произведена сплошная выборка всех имен и прозвищ указанного населения (объем анализируемого материала составил 208 антропонимов), а антропонимы, имеющие географические привязки, были представлены на карте (см. *Рис. 10*), на которой видно, что ареалы, основанные на «вогульской» (мансийской) исторической антропонимии (бассейны Вишеры, Косьвы, нижнего и среднего течения Чусовой), также в общих чертах совпадают с ареалами, намеченными в настоящем исследовании.

Словарный состав мансийских идиомов Западного Урала также (как и коми) зафиксирован некоторыми памятниками письменности XVI–XVIII вв., хотя и не такими крупными и не таким большим количеством. История создания этих памятников и их язык в разной степени рассматривались в некоторых работах [Kannisto 1913–1918; Gulya 1958; Гуя 1963; Пономарева, Гайдамашко 2019; Норманская 2020; Норманская, Кошелюк 2020; Кошелюк 2022], однако эти аспекты не разработаны в полной мере и еще ждут своего исследователя.

При этом следует учитывать, что Западный Урал не является автохтонной мансийской территорией, а присутствие здесь манси — это достаточно позднее явление, см.: «речь может идти только о следах позднего (XIV–XVI вв.) мансийского (специально *пелымских*

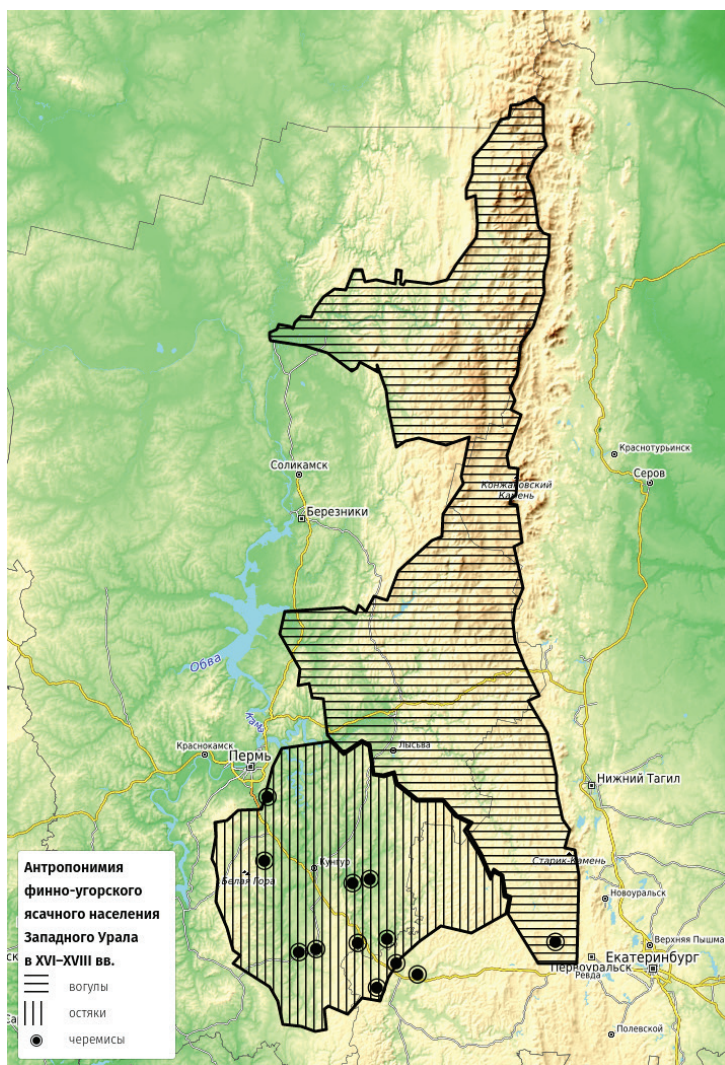

Рис. 10. Антропонимия финно-угорского ясачного населения Западного Урала в XVI–XVIII вв.

Fig. 10. Anthroponymy of the Finno-Ugric yasak population of the Western Urals in the 16th–18th centuries

вогуличей) проникновения в Прикамье» [Напольских 2015: 194]². Подтверждается это и современными топонимическими разысканиями, см.: «появление единичных мансийских топонимов к западу от Урала, скорее всего, имеет суперстратный характер» [Смирнов 2012: 75].

Считается также, что в топонимии Северного Прикамья сохраняется некий угорский субстрат, не связываемый напрямую с современными обско-угорскими языками³ [Матвеев 1961: 321, 328; Смирнов 2012: 71–72]. За смешанный характер истории называют его «тюрко-угорским» субстратом [Оборин 1990: 43–46].

По данным апеллятивной лексики русских говоров в пределах Пермского края мансийский субстратный тип распадается на три ареала — условно северный, или «вишерский», центральный, или «яйвинско-косьвинский» и южный, или «чусовской» (по названиям четырех основных левых притоков Камы этой территории). Словарный состав северного и южного ареалов не имеет совпадений, в то время как лексика центрального ареала имеет по одному совпадению как с северной (44), так и с южной (28).

² Автор благодарит рецензента статьи за схожее мнение: «⟨...⟩ говоря о границах угорского присутствия в западном Приуралье, следует иметь в виду, что мансийское население отнюдь не обязательно обитало там с древности. Скорее наоборот: нужно принимать во внимание активность Пельмского «княжества» и др. вогульских политий и возможность очень позднего (в XVI–XVII вв.) распространения манси на запад».

³ См.: «угорская топонимия к западу от Урала может существовать, но при этом она может быть не мансийской, не хантыйской и не венгерской. Вполне вероятно, что значительная ее часть может принадлежать особой ветви угорских народов, не сохранившейся до наших дней. Очевидно, что часть элементов такой топонимии будет иметь параллели в мансийском языке, так же как другая часть — в хантыйском или венгерском» [Смирнов 2012: 72]. Также: «топонимика обско-угорского типа действительно встречается в Северном Приуралье, но она нигде не образует сколько-нибудь крупных массивов и не имеет характерных топонимических типов» [Матвеев 1968: 142]. Но ср.: «на сегодняшний день никаких следов топонимии праугорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено» [Напольских 2015: 208].

Одно и то же субстратное слово в этих ареалах может фиксироваться с различиями в звуковом составе, что, по-видимому, отражает вариантность фонетики угасших мансийских идиомов, некогда распространённых на Западном Урале, ср. северное *тулым(ник)* ~ центральное *тулум* ‘порог, скопление больших камней в русле реки’ (44).

Мансийский субстрат встречается в русской лексике ландшафта, флоры, охоты, рыболовства, в наименовании обуви. Что характерно, лексика южного мансийского ареала связана только с охотой и рыболовством, в центральном ареале встречается одно такое заимствование, а в северном ареале лексики этой тематической группы нет вовсе.

3.2.1. Вишерский ареал

Северный мансийский тип представлен в верховьях Вишеры (Акчим, Вёлгур, Мартино, Писаная, Усть-Улс Красн.) и ее притока Колвы (Дий, Ныроб Черд.).

Раннее русское освоение этой территории обусловлено тем, что в XV–XVI вв. здесь проходила так называемая Чердынская дорога (другие варианты наименования: «Вишерская дорога», «Вишерско-Лозьвинский путь») — путь от Чердыни в Сибирь, из бассейна Камы на Ивдель, Лозьву, Тавду, Тобол, Иртыш, Обь [Глушков 1900: 20–21; Александров (отв. ред.) 1989: 13]. Заселение бассейна Вишеры русскими относится к середине XVII в., их предшественниками здесь были манси [АС 1: 8]. В конце XVIII в. манси отмечались и в среднем течении Колвы, около Ныроба, где они занимались лесными промыслами; в 1830-е гг. в Чердынском уезде по Колве было 60 ясачных вогул, в 1850-е гг. — 71 [Александров (отв. ред.) 1989: 21]. Есть фиксация мансийского материала в Ныробе и по приведенным выше материалам (39).

Этот тип субстрата следует связывать с влиянием вишерского (или усть-улсуйского), по терминологии А. Каннисто [Kannisto 1913–1918: 16], диалекта мансийского языка, носители которого (см. термин «чердынские вогулы») — здесь от названия уезда, а не города) еще в конце XIX в. имели оленные пастбища в Предуралье и обитали в этих местах в тесной связи с коми и ненцами (см. подробный

этнографический очерк [Глушков 1900], свидетельства историков [Оборин 1990: 60], а также лингвистические наблюдения над мансийско-ненецкими связями в Прикамье [Гайдамашко 2011b]). По наблюдениям А. Регули, в середине XIX в. в селе Усть-Улс оставалось всего три мансийские семьи [Рáрау 1906: 358] (хотя во всем Чердынском уезде перепись населения 1860 г. выявила 69 манси [Gulya 1958: 42]). О нескольких семействах манси в верховьях Вишеры упоминается и в 1950-е гг. [Лыткин 1961: 11]. А. К. Матвеев, судя по всему, последний лингвист, которому довелось общаться с потомками носителей усть-улсуйского диалекта манси, к тому моменту (середина 1950-х — начало 1970-х гг.) давно забывшими родную речь [Матвеев 2006: 244].

Известно, что усть-улсуйский идиом был близок к западной группе мансийских диалектов, то есть к пелымскому, средне-лозьвинскому и нижнелозьвинскому диалектам, отчасти также — к северным диалектам мансийского языка (сосьвинскому и верхнелозьвинскому) [Рáрау 1906: 367–368; Kannisto 1913–1918: 17; Матвеев 2011: 4–5].

К мансийским примерам вишерского ареала относятся: *няры* (35), *рып* (39), *тульым(ник)* (44), *тумán* (45), *уль* (50).

По данным апеллятивной лексики русских говоров граница северного мансийского типа на западе проходит условно по линии Дий — Вёлгур (если принимать во внимание только систематические фиксации, без единичной фиксации в Ныробе), что примерно согласуется с западными рубежами Северного Урала как горной системы, то есть полосой низкогорных кряжей, так называемых «парм» (конкретно в нашем случае см. Нярызская Парма, Ямжачная Парма, Волимская Степь). Примерно здесь же А. К. Матвеев и О. В. Смирнов намечают западную границу живой мансийской топонимии⁴ [Матвеев 2006: 243; Смирнов 2012: 49], см. *Рис. 9*.

⁴ См.: «⟨...⟩ как только кончаются настоящие горы, исчезает и живая мансийская топонимия, а отсутствие субстратной топонимии ясно указывает на то, что манси здесь и раньше не были коренным населением» [Матвеев 2006: 243]. И далее: «⟨...⟩ что касается относительно позднего проникновения манси

3.2.2. Яйвинско-косьвинский ареал

Центральный мансийский тип отмечается в бассейнах Яйвы и Косьвы (Александровский район⁵ и городской округ Березники). С открытием здесь в 1597 г. Бабиновской дороги (или тракта) Чердынская дорога (см. 3.2.1), будучи гораздо длиннее, утратила прежнее значение, а сама Бабиновская дорога до второй половины XVIII в. оставалась «Государевой дорогой» — единственной дорогой из Европы в Сибирь, разрешенной царским указом [Александров (отв. ред.) 1989: 13].

Ясачные книги XVII в. дают указания на то, что по реке Косье обитали «косьвинские вогулы» [Глушков 1900: 23–25; Александров (отв. ред.) 1989: 21] (см. также результаты нашего исследования исторической финно-угорской антропонимии на *Рис. 10*), однако языковедам ничего не известно об особенностях косьвинского мансийского идиома. Лишь Я. Гуя проводит по этой территории границу между западными и южными угасшими мансийскими диалектами (см. *Рис. 8*), что не кажется обосновательным, учитывая упоминавшееся выше фонетическое варьирование вишерского слова *тульм(ник)* и яйвинско-косьвинского *тулум* (44). Примечателен также в этой связи топоним *Туменные поля* у н. п. Чигироб Соликамского района [Гайдамашко 2014: 279–280] (при рус. вишерском *тумán* и манс. *tutén*, см. (45)).

К яйвинско-косьвинским примерам относятся: *кулун* (28), *тулум* (44), *юкора* (62).

на западный склон Урала, то оно повсеместно ограничивалось пределами предгорий» [Матвеев 2006: 247].

⁵ Село Растес (вариант: Растесс), в котором А. К. Матвеев зафиксировал некоторые примеры мансийского субстрата, на момент записи (июнь 1957 г. [Матвеев 1959: 4]) относилось к Александровскому району Молотовской (Пермской) области. Ныне урочище Растес относится к городскому округу Карпинск Свердловской области.

3.2.3. Чусовской ареал

Мансийский субстратный тип южного ареала представлен примерами в нижнем и среднем течении Чусовой — включая верховья Сылвы — и на прилегающих территориях в Лысьвенском, Суксунском, Чусовском районах: *эхала* (19), *кулун* (28), *нёрка* (34). Этот тип следует связывать с влиянием субстратных кунгурского, сылвенского и чусовского диалектов мансийского языка. Мансийские диалекты Чусовой отмечены еще меньшим количеством документов, чем усть-улсуйский диалект (см., например, разбор чусовской мансийской топонимии в неопубликованном документе из фонда Г. Ф. Миллера [Смирнов 2001]).

В бассейне Чусовой манси также, как и на Вишере, появились относительно поздно: «заселение вогулами Чусовой происходило после или одновременно с проникновением на эти территории тюркских, пермских и русского народов, т. е. в XV–XVII вв., в результате вытеснения части южных манси из Среднего Зауралья сначала тюркской, а затем и русской колонизациями» [Смирнов 2001: 124]. Сходная ситуация была и в верховьях Сылвы — крупнейшего притока Чусовой: «⟨...⟩ на Сылве в топонимии, записанной Г. Ф. Миллером, названий мансийского происхождения уже практически не отмечено, что может подтверждать более позднее по сравнению со средним течением Чусовой (возможно, только в XVII–XVIII вв.) заселение вогулами Сылвы» [Смирнов 2001: 124].

Судя по пермским документам, недолгий период с 1568 г., когда промышленники Строгановы получили земли по обеим берегам р. Чусовой, по 1584 г., когда после военных походов Ермака Сибирь официально вошла в состав России, прошел в борьбе немногочисленного местного мансийско-татарского населения с дружинниками и казаками, которых нанимали для обороны Строгановы [Преображенский (отв. ред.) 1989: 153–157; Александров (отв. ред.) 1989: 16, 22]. После того, как сибирские земли постепенно начали входить в состав Московского государства, коренное население обширного бассейна Чусовой, а среди них и чусовские вогулы, частью покинуло

эти места, частью было ассимилировано колонизаторами: «⟨...⟩ этих вогул, еще язычниками, видел Избрандсон, проезжая этими местами в Китай в 1692 г., а Георги в 1773 г. уже христианами, но продолжающими идолопоклонствовать» [Глушков 1900: 23]. «Спустя сто лет с того времени экспедиция, снаряженная Казанским университетом, застала чувовских вогул уже вполне обрусевшими, забывшими совершенно свой родной язык и языческие обряды» [Глушков 1900: 71]. Остатки чувовских манси встречал во время путешествия 1843–1845 гг. А. Регули, но бо́льшая их часть была ассимилирована еще до XIX в. [Páray 1906: 367–368].

Я. Гуя, который исследовал рукописный документ 1736 г., содержащий мансийский языковой материал с обоих склонов Среднего Урала, приходит к выводу об отнесенности мансийских идиомов Туры, Тагила и Чусовой к южным мансийским говорам [Gulya 1958: 44–45; Гуя 1963: 173]. По результатам анализа субстратной мансийской топонимии и О. В. Смирнов склонен сблизать фонетику древнемансийских говоров на территории ранней ассимиляции манси (то есть на Юго-западном Урале — в бассейне Чусовой и ее притока Сылвы) с фонетикой южных мансийских (тавдинских) говоров [Смирнов 2012: 70]. Ю. В. Норманская на основе анализа мансийских письменных памятников конца XVIII в. также пришла к выводу о близости субстратных мансийских говоров в бассейнах Чусовой и Тавды [Норманская 2020: 79]. Также см.: [Гайдамашко 2020: 420–422].

3.3. Области пересечения изоглосс

В исключительных случаях русская лексика может указывать на точки пересечения изоглосс различных (resp. субстратных) финно-угорских идиомов.

Так, в русских говорах Вишеры и ее притока Колвы (преимущественно в верховьях — Дий Черд.; Акчим, Вёлгур, Мартино, Писаная, Усть-Улс Краснов., но см. и Ныроб Черд. с окрестностями) встречаются заимствования как коми происхождения, так и мансийского.

С одной стороны, это могут быть следы одновременного и независимого этноязыкового взаимодействия русских с коми и манси (в низовьях и верховьях соответственно). С другой стороны, в русских говорах низовий Вишеры и Колвы в составе коми субстрата может находиться мансийский субсубстрат и адстрат (см. 3.1.1 и 3.2.1). Подтверждением возможности первого сценария может служить тот факт, что в русских говорах Вишеры отмечены и *оль* ‘редкий невысокий лес на низких сырых местах’ (при коми *оль*, (36)), и *уль* ‘сырое, болотистое место в лесу’ (при манс. *βül’*, *ül’*, (50)), при том, что мансийское слово само заимствовано из коми [Rédei 1970: 92]. На реальность второго сценария указывают, например, сообщения, что в старину коми-язвинские охотники встречали манси в верховьях Вишеры и Язьвы [Лыткин 1961: 11]; также известно о жалованной царской грамоте, согласно которой «верховье Язьвы входило в состав охотничьих угодий мансийцев», и челобитной, свидетельствующей о том, что «коми-язвинцы были в тесном общении с мансийцами и что часть мансийцев, действительно, могла влиться в состав коми-язвинского населения и перенять коми язык» [Лыткин 1961: 12].

Другой подобной областью, по результатам нашего исследования, оказался Суксунский район, где встретились как остатки сылвенского мансийского субстрата (34), так и лексика коми-пермяцкого происхождения (51), принесенная сюда, скорее всего, относительно поздними потоками миграций внутри региона. При этом в местной русской топонимии при предварительном наблюдении, кроме мансийских и коми-пермяцких следов, обнаруживаются тюркские и субстратные неустановленного происхождения (см. про угорский след в Разд. 3.2.3).

Любопытно, что Кама в отдельных местах может выступать как естественная граница между коми и мансийским субстратными типами (см. окрестности Березников и Усоля).

3.4. Послесловие

Разумеется, прийти к бесспорным выводам мешает недостаточное регистрирование и изученность диалектной и исторической лексики

финно-угорских языков Приуралья (включая угасшие идиомы) и, как следствие, неудовлетворительное представление этой лексики в словарях и исследованиях. Видится также, что несмотря на богатую традицию лексикографического представления русских говоров Прикамья, новые словари и экспедиционная работа по сбору русских говоров еще способны открыть исследователям новые примеры финно-угорского лексического субстрата.

При этом достоверность лингвогеографических выводов должна подкрепляться значительным фактическим материалом, особенно если речь идет о старых и древних состояниях, когда население было мобильнее (потому и границы очерченных в статье ареалов весьма условны). Тем не менее этимологический и лингвогеографический анализ даже небольшого количества субстратной финно-угорской лексики в русских говорах Пермского края позволяет:

- очертить контуры областей былого распространения субстратных финно-угорских идиомов (например, коми в Гайнском, Косинском, Чердынском, Красновишерском, Соликамском, Усольском, Добрянском, Ильинском, Карагайском, Верещагинском, Еловском (?) районах, мансийские в городском округе Березники, Красновишерском, Александровском, Лысьвенском, Чусовском, Кунгурском, Суксунском районах);
- указать нахождение коми-мансийской границы, пролегающей к началу активной русской колонизации в XV–XVI вв., а также обозначить условные этапы ее смещения в последующее время и окончательного стирания в XX в.;
- проследить отдельные особенности субстратных идиомов (например, фонетика и вишерского, и яйвинско-косьвинского мансийских идиомов была близка фонетике современных пельымского и лозьвинских — то есть западного и отчасти северного — мансийских диалектов, при этом более южный чусовской идиом иногда обнаруживает бóльшую близость к тавдинскому — то есть к южному — мансийскому диалекту, см. примеры *ни́рка* (34) и *юкора* (62); однако в то же время пример *рып* (40) показывает, что субстратные мансийские

- идиомы Приуралья могли иметь и свои особенности фонетики, отличные от всех других известных данных);
- установить, что в субстратных коми и мансийских идиомах данного региона бытовала лексика, сходная той, которая в настоящее время фиксируется не повсеместно, а лишь в отдельных (не всегда территориально близких) диалектах (например, некоторые слова угасших коми идиомов на территории нынешнего Чердынского и Красновишерского районов — *дзюлёк* (17), *урдым* (52) — фонетически близки современной коми-зырянской или удмуртской лексике, а некоторые могут вообще не отмечаться коми-пермяцкими источниками — *бáчка* (2), *гуркáн* (13), *кíдас* (25), *першóк* (37), *сíрин* (41), *ту-рáсный* (48), *чíска́ть* (55));
 - восстановить лексические данные, которые не отмечены финно-угорскими словарями (например, коми **ватибака* ‘сухой трутовик’ (7), манс. **тулум* ~ **тулым* ‘порожистое место в реке’ (44));
 - указать на утраченные детали семантики и т. д.

Список условных сокращений

1. Районы Пермского края / Пермской области / Молотовской области

Ал. — Александровский; Вер. — Верещагинский; Гайн. — Гайнский; Добр. — Добрянский; Ел. — Еловский; Ил. — Ильинский; Кар. — Карагайский; Кос. — Косинский; Красн. — Красновишерский; Куд. — Кудымкарский; Лысьв. — Лысьвенский; Нердв. — Нердвинский (1943–1959); Сив. — Сивинский; Сол. — Соликамский; Сукс. — Суксунский; Ус. — Усольский; Черд. — Чердынский; Черн. — Чернушинский; Чус. — Чусовской; Юрл. — Юрлинский; Юсьв. — Юсьвинский.

2. Языки, диалекты и говоры

вв. — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка (говоры: Бог. — с. Богородск, Виш. — бассейн Вишеры, Вольд. — с. Вольдино, Крч. — с. Керчомья, Нёб. — с. Нёбдино, Ст. — с. Сторожевск, Укл. — с. Усть-Кулом); венг. — венгерский язык; вк. — верхнекондинский диалект мансийского языка (говоры:

Шаим — д. Шаим); вл. — верхнелозьвинский диалект мансийского языка (говоры: НИ — д. Никито-Ивдель); вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка (говоры: Гр. — с. Грива, Кб. — с. Кобра, Кг. — с. Койгородок, Уж. — с. Ужга); вым. — вымский диалект коми-зырянского языка (говоры: Весл. — д. Весляна, Кок. — д. Кокпом, Кони — д. Кони, Онеж. — д. Онежье, Синд. — д. Синдор); горн. — горномарийский язык; зюзд. — зюздинское (верхнекамское) наречие коми-пермяцкого языка; иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка; кз. — коми-зырянский язык; конд. — кондинский диалект мансийского языка; коч. — кочёвский диалект коми-пермяцкого языка; кп. — коми-пермяцкий язык; кя. — коми-язьвинский язык; левич. — левичанский говор косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка; лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка (говоры: Зан. — с. Зануль, Лет. — с. Летка, Об. — с. Обьячево, Пор. — д. Поруб, Пр. — с. Прокопьевка, Сл. — д. Слудка, Чтв. — с. Читаево); луг. — луговомарийский язык; манс. — мансийский язык; мар. — марийский язык; мокш. — мокша-мордовский язык; нв. — нижевычегодский диалект коми-зырянского языка (говоры: Кожм. — с. Кожмудор, Кокв. — д. Коквицы, Паль — с. Палевицы, Сл. — с. Слудка); нердв. — нердвинский диалект коми-пермяцкого языка; ни. — нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка; нк. — нижнекондинский диалект мансийского языка (говоры: Нахр. — д. Нахрачи); нл. — нижнелозьвинский диалект мансийского языка (говоры: Куз. — д. Кузина); оньк. — оньковский диалект коми-пермяцкого языка; оп. — общепермский (реконструкция); ош. — ошибский говор кудымкарско-иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка; пел. — пельмский диалект мансийского языка; перм. — пермские языки; печ. — печорский диалект коми-зырянского языка (говоры: Аб. — д. Абар, Пкч. — с. Покча, У.-И. — с. Усть-Илыч); рус. — русский язык; св. — северные говоры вагильского диалекта мансийского языка (говоры: Заоз. — д. Заозерная, Кама — д. Кама); сев. — северное; ск. — среднекондинский диалект мансийского языка (говоры: Леуш — д. Леуш); скр. — присыктывкарский диалект коми-зырянского языка (говоры: Выльг. — с. Выльгорт, Койт. — д. Койтыбож, Слб. — д. Слобода); сл. — среднелозьвинский диалект мансийского языка (говоры: Перш. — д. Першина); слоб. — слободской говор удмуртского языка; сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка (говоры: Сарт. — д. Сартынья); сс. — среднесысольский диалект коми-зырянского языка (говоры: Меж. — с. Межег, Пж. — с. Пажга, Чухл. — с. Чухлэм, Ыб — с. Ыб); тавд. — тавдинский диалект мансийского языка (говоры: БЧ — д. Большие Чандыри, Ян. — д. Янычкова); уд. — удорский диалект коми-зырянского языка (говоры: Гл. — с. Глотова, Косл. — с. Кослан, Лат. — д. Латыгога, Мез. — бассейн Мезени, Чупр. — с. Чупрово); удм. — удмуртский язык; фин.-угор. — финно-угорские языки; чув. — чувашский язык; эрз. — эрзя-мордовский язык; юв. — южные говоры вагильского диалекта мансийского языка; южн. — южное.

3. Прочие

букв. — буквально; дет. — в детской речи; истор. — историческое; литер. — литературное; напр. — например; повс. — повсеместно; прич. — причастие; простореч. — просторечное; см. — смотри; совр. — современное; ср. — сравни; устар. — устаревшее.

Литература

- Александров (отв. ред.) 1989 — В. А. Александров (отв. ред.). На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М.: Наука, 1989.
- Баталова 1975 — Р. М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975.
- Баталова 1990 — Р. М. Баталова. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М.: [Б. и.], 1990.
- Васёв 2006 — М. В. Васёв. Об использовании растений сельским населением Чердынского района и названиях растений, бытующих в местных говорах. Выпускная квалификационная работа. Пермь: Пермский государственный университет, 2006.
- Гайдамашко 2009 — Р. В. Гайдамашко. Лексемы *бака* и *бакса* как результат развития в русских народных говорах прауральского **rðkz* // А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 416–423.
- Гайдамашко 2011a — Р. В. Гайдамашко. Синонимы финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья (на материале названий овцы) // А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 418–426.
- Гайдамашко 2011b — Р. В. Гайдамашко. Топооснова *ярн* и *ненцы* в Верхнем Прикамье: предварительные замечания // Н. Н. Колпакова (ред.). Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 14–19.
- Гайдамашко 2013 — Р. В. Гайдамашко. К этимологии русских диалектных слов Прикамья: *егер*, *пурга*, *сёрд*, *туман* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 57–62.
- Гайдамашко 2014 — Р. В. Гайдамашко. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2014.

- Гайдамашко 2016 — Р. В. Гайдамашко. Материалы к этимологии метеорологической лексики в русских говорах Прикамья: *тола, чалня* // Севернорусские говоры. 2016. Вып. 15. С. 34–43.
- Гайдамашко 2017a — Р. В. Гайдамашко. Еще раз о «Списке русских слов с переводом...» за подписью Никиты Овчинникова: фрагменты палеографического и текстологического анализа // Sz. T. Tóth (ed.). Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples II. Abstracts of the 5th day of Agricola conference. Narva: University of Tartu Narva College, 2017. P. 25–26.
- Гайдамашко 2017b — Р. В. Гайдамашко. К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: *пучка, умра* // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII. Ч. 2. С. 298–331.
- Гайдамашко 2018 — Р. В. Гайдамашко. Материалы к этимологии лексики в русских говорах Прикамья: *баткас, бачка, бёрдыш* // Севернорусские говоры. 2018. Вып. 17. С. 30–45. DOI: 10.30842/01348515201802.
- Гайдамашко 2020 — Р. В. Гайдамашко. К мансийскому происхождению русского диалектного слова *нюрка* ‘мелкая щука’, ‘мелкая рыба’ // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 417–425. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-417-425.
- Гайдамашко 2023 — Р. В. Гайдамашко. Из истории рукописных памятников коми-пермяцкой письменности конца XVIII — начала XX веков: авторы, жанры, диалекты // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 357–366. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-357-366.
- Гайдамашко, Левичкин 2024 — Р. В. Гайдамашко, А. Н. Левичкин. Новооткрытые рукописи коми-пермяцкого словаря Ф. А. Волегова // Linguistica Uralica. 2024. Vol. 60. Iss. 2. С. 136–151. DOI: 10.3176/lu.2024.2.05.
- Гайдамашко, Пономарева 2019 — Р. В. Гайдамашко, Л. Г. Пономарева. Материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1748–1788) // Урало-алтайские исследования. 2019. № 1 (32). С. 7–27.
- Гайдамашко, Шкураток 2019 — Р. В. Гайдамашко, Ю. А. Шкураток. Современное состояние коми-язьвинского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 4. С. 576–590. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590.
- Глушков 1900 — И. Н. Глушков. Чердынские вогулы (Этнографический очерк) // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. XLV. № 2. С. 15–78.
- Гуя 1963 — Я. Гуя. Древнемансийские диалекты // Gy. Ortutay (hrsg.). Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus 20.–24.IX.1960. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. С. 172–175.
- Зверева 2007 — Ю. В. Зверева. Лексика, заимствованная из коми-пермяцкого языка, в пермских говорах (на материале тематической группы «Человек») //

- А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 477–482.
- Зверева 2008 — Ю. В. Зверева. Аппеллятивы коми-пермяцкого происхождения в пермских говорах // А. С. Герд (отв. ред.). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 491–497.
- Зверева 2012 — Ю. В. Зверева. Лексика коми-пермяцкого происхождения в «Словаре русских говоров севера Пермского края» // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. Вып. 16. С. 103–110.
- Кошелюк 2022 — Н. А. Кошелюк. Графико-фонетические особенности первых памятников на мансийском языке сер. XVIII — нач. XX вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2022.
- Кривошекова-Гантман 1974 — А. С. Кривошекова-Гантман. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // А. С. Гантман (ред.). Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического института, 1974. С. 19–43.
- Кривошекова-Гантман 1981 — А. С. Кривошекова-Гантман. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // А. К. Матвеев (отв. ред.). Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 46–62.
- Лобанова, Черных 2014 — А. С. Лобанова, А. В. Черных. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39.
- Лыткин 1889 — Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889.
- Лыткин 1955 — В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. Ч. 1. М.: Издательство АН СССР, 1955.
- Лыткин 1961 — В. И. Лыткин. Коми-язвинский диалект. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Лыткин (ред.) 1962 — В. И. Лыткин (ред.). Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1962.
- Лыткин 1964 — В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964.
- Максимов 2016 — С. А. Максимов. О коми заимствованиях в удмуртском языке // *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. LII. Iss. 2. P. 111–121. DOI: 10.3176/lu.2016.2.04.
- Матвеев 1958 — А. К. Матвеев. Мансийские заимствования в русских говорах по реке Пелыму // Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького, 1958. Вып. 20: Филологический. С. 71–85.

- Матвеев 1959 — А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. (= Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького, 1959. Вып. 32).
- Матвеев 1961 — А. К. Матвеев. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Вып. 2. М.: [Б. и.], 1961. С. 319–330.
- Матвеев 1964 — А. К. Матвеев. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. T. 14. Fasc. 3–4. O. 285–315.
- Матвеев 1968 — А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 4. (= Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького, 1968. № 191). С. 136–146.
- Матвеев 2006 — А. К. Матвеев. Ономатология. М.: Наука, 2006.
- Матвеев 2011 — А. К. Матвеев. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. (Труды Топонимической экспедиции). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011.
- Меркушева 2003 — Т. Н. Меркушева. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2003.
- Мызников 2003 — С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.
- Мызников 2004 — С. А. Мызников. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004.
- Мызников 2007 — С. А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2007.
- Напольских 2015 — В. В. Напольских. Очерки по этнической истории. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015.
- Норманская 2020 — Ю. В. Норманская. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 71–80. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-71-80.
- Норманская, Кошелюк 2020 — Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
- Оборин 1990 — В. А. Оборин. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990.

- Пономарева, Гайдамашко 2019 — Л. Г. Пономарева, Р. В. Гайдамашко. О коми-пермяцких и мансийских рукописях из фонда Антала Регули: предварительные наблюдения // Sz. T. Tóth (ed.). *Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjanlustes V: Teesid*. Narva: University of Tartu Narva College, 2019. P. 16.
- Преображенский (отв. ред.) 1989 — А. А. Преображенский (отв. ред.). *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* М.: Наука, 1989.
- Смирнов 2001 — О. В. Смирнов. Мансийская топонимия реки Чусовая в записях Г. Ф. Миллера // А. К. Матвеев (ред.). *Этимологические исследования: сб. науч. тр. Вып. 7.* Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 121–141.
- Смирнов 2012 — О. В. Смирнов. Субстратная мансийская топонимия на территории былого проживания манси // *Вопросы ономастики*. 2012. № 1 (12). С. 43–79.
- Федосеева 2002 — Е. Н. Федосеева. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // И. В. Тараканов (сост. и отв. ред.). *Пермистика-9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов.* Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 426–434.
- Федосеева 2015 — Е. Н. Федосеева. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар: [ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН], 2015.
- Хаузенберг 1972 — А.-Р. Хаузенберг. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). Таллин: [Б. и.], 1972.
- Csúcs 2005 — S. Csúcs. *Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache.* (Bibliotheca Uralica. 13). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005.
- Gaidamaško 2013 — R. Gaidamaško. Finno-Ugric substrate appellatives in Russian dialects of the Upper Kama // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri* (= *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*). 2013. Vol. 4. No. 2. P. 199–216. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.11.
- Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvmélek (Előzetes közlés) // *Nyelvtudományi közlemények*. 1958. LX. kötet. 1. szám. O. 41–45.
- Kalima 1919 — J. Kalima. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen.* (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919.
- Kalima 1927 — J. Kalima. *Syrjänische Lehngut im Russischen* // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1927. Bd. XVIII. Hft. 1–3. S. 1–56.
- Kannisto 1913–1918 — A. Kannisto. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1913–1918. O. XXX₈.
- Pápay 1906 — I. Pápay. *Reguly Antal urali térképe* // *Földrajzi közlemények*. 1906. XXXIV. kötet. 9. szám. O. 349–370.

- Rédei 1970 — K. Rédei. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- Saarikivi 2021 — J. Saarikivi. The divergence of Proto-Uralic and its offspring. A descendent reconstruction // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 28–58. DOI: 10.1093/oso/9780198767664.003.0003.
- Veenker 1967 — W. Veenker. Die Frage des finnougri schen Substrats in der russischen Sprache. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 82). Bloomington: Indiana University, 1967.
- Veenker 1992 — W. Veenker. Finnougrisch-slavis che Wechselbeziehungen // H. László, S.-L. Hahmo, T. Hofstra, J. Jastrzebska, O. Nikkilä (eds.). Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum. Amsterdam: Rodopi, 1992. S. 175–184.

Источники

- Аникин — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–18. М.; СПб.; Новосибирск: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Нестор-История; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2007–2024 (издание продолжается).
- Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- АС — Ф. Л. Скитова (гл. ред.). Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области = Акчимский словарь. Вып. 1–6. Пермь: [Б. и.]; Издательство Пермского университета, 1984–2011.
- БАСРЯ — К. С. Горбачевич, А. С. Герд (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- КПРС — [Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман]. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.
- КСК — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. Коми сёрнисикас кывчукёр = Словарь диалектов коми языка. Т. 1–2. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012–2014.
- КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» (г. Пермь, ПГНИУ).
- КЭСКЯ — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

- КЭСКЯД — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка // Г. Г. Бараксанов (отв. ред.). Вопросы коми филологии (= Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, 1975. Вып. 18). С. 3–45.
- МСФУСЗ — А. К. Матвеев (ред.), Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш (авт. и сост.). Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера: Вып. 1. А–И. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.
- Мурзаев 1984 — Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов: словарь. М.: Мысль, 1984.
- Мызников 2019 — С. А. Мызников. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- МЭ — Материалы экспедиций Р. В. Гайдамашко.
- Полякова 2007 — Е. Н. Полякова. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Издательство Пермского университета, 2007.
- Ракин 1989 — А. Н. Ракин. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989.
- Рогов 1869 — Н. А. Рогов. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869.
- РУС — Л. М. Ившин (отв. ред.). Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Ижевск: [УдмФИЦ УрО РАН], 2019.
- СГСРПО — О. П. Беляева (сост.), Е. А. Голушкова (ред.). Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь: [Б. и.], 1973.
- СЛПП — Е. Н. Полякова. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: [в 2-х т.]. Пермь: Издательство Пермского университета, 2010.
- СПГ — А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева (ред.). Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- СРГКПО — И. А. Подюков (науч. ред.). Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Издательство ПОНИЦАА, 2006.
- СРГСПК — И. И. Русинова (гл. ред.). Словарь русских говоров севера Пермского края: [вып. 1–2; продолжающееся издание]. Пермь; СПб.: Издательство Пермского университета; Маматов, 2011–2023.
- СРГСУ — П. А. Вовчок, Н. П. Костина, А. К. Матвеев (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 1–7. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство; Издательство УрГУ, 1964–1988.
- СРГСУД — А. К. Матвеев (ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1996.
- СРГЮП — И. А. Подюков (науч. ред.). Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1–3. Пермь: [ПГПУ; ПГГПУ], 2010–2012.

- СРНГ — Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников (гл. ред.). Словарь русских народных говоров: [вып. 1–52; продолжающееся издание]. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
- ССРЛЯ — С. Г. Бархударов и др. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Издательство АН СССР; Наука, 1950–1965.
- Фасмер — М. Фасмер, О. Н. Трубочев (перевод с нем. и предисловие), Б. А. Ларин (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- UEW — K. Rédei. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
- WW 1986 — B. Munkácsi (gesamm.), B. Kálmán (geordnet, bearb., hrsg.). *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
- WW 2013 — A. Kannisto (gesamm. und geordnet), V. Eiras (bearb.), A. Moisio (hrsg.). *Wogulisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXXV; Kotimaisten kielten keskuksen julkaisuja. 173). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura & Kotimaisten kielten keskus, 2013.

References

- Aleksandrov (ed.) 1989 — V. A. Aleksandrov (ed.). *Na putyakh iz Zemli Permskoy v Sibir: ocherki etnografii severnouralskogo krestyanstva XVII–XX vv.* [On the way from the Land of Perm to Siberia: essays on the ethnography of the North Ural peasantry of the 17th–20th centuries]. Moscow: Nauka, 1989.
- Batalova 1975 — R. M. Batalova. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka, 1975.
- Batalova 1990 — R. M. Batalova. *Unifitsirovannoye opisaniye dialektov uralskikh yazykov. Onkovskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka* [A unified description of the dialects of the Uralic languages. Onkovsky dialect of the Komi-Permyak language]. Moscow: S. n., 1990.
- Csúcs 2005 — S. Csúcs. *Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache* [The reconstruction of the Permian language]. (Bibliotheca Uralica. 13). Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005.
- Fedoseyeva 2002 — E. N. Fedoseyeva. *Dialekty severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka na sovremennom etape razvitiya* [Dialects of the northern dialect of the Komi-Permyak language at the present stage of development]. I. V. Tarakanov (comp. and ed.). *Permistika-9: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Permistics-9: Issues of Permian and Finno-Ugric philology: Interuniversity collection of scientific papers]. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2002. P. 426–434.

- Fedoseyeva 2015 — E. N. Fedoseyeva. *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [The vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS, 2015.
- Gaidamaško 2013 — R. Gaidamaško. Finno-Ugric substrate appellatives in Russian dialects of the Upper Kama. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri* (= *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*). 2013. Vol. 4. No. 2. P. 199–216. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.11.
- Gaydamashko 2009 — R. V. Gaydamashko. Leksemy *baka* i *baksa* kak rezultat razvitiya v russkikh narodnykh govorakh prauralskogo *pǝkǝ [The lexemes *baka* and *baksa* as a result of the development of the Proto-Uralic *pǝkǝ in Russian dialects]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies) 2009]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 416–423.
- Gaydamashko 2011a — R. V. Gaydamashko. Sinonimy finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikamya (na materiale nazvaniy ovtsy) [Synonyms of the Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the Upper Kama Region (based on the names for sheep)]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2011* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2011]. St. Petersburg: Nauka, 2011. P. 418–426.
- Gaydamashko 2011b — R. V. Gaydamashko. Toposnova *yanan* i nentsy v Verkhnem Prikamye: predvaritelnyye zamechaniya [The toponymic stem *yanan* and the Nenets in the Upper Kama Region: preliminary remarks]. N. N. Kolpakova (ed.). *Materialy XL Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii 14–19 marta 2011 g. Uralistika* [Proceedings of the 40th International Philological conference on March 14–19, 2011. Uralistics]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2011. P. 14–19.
- Gaydamashko 2013 — R. V. Gaydamashko. K etimologii russkikh dialektnykh slov Prikamya: *yeger*, *purga*, *serd*, *tuman* [On the etymology of the Russian dialect words of the Kama Region: *yeger*, *purga*, *serd*, *tuman*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2013. No. 4 (24). P. 57–62.
- Gaydamashko 2014 — R. V. Gaydamashko. *Landshaftnaya leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikamya* [Landscape vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the Upper Kama Region]. Candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2014.
- Gaydamashko 2016 — R. V. Gaydamashko. Materialy k etimologii meteorologicheskoy leksiki v russkikh govorakh Prikamya: *tola*, *chalnya* [Materials on the etymology of meteorological vocabulary in the Russian dialects of the Kama Region: *tola*, *chalnya*]. *Severnorusskiye govory*. 2016. Vol. 15. P. 34–43.

- Gaydamashko 2017a — R. V. Gaydamashko. Yeshche raz o «Spiske russkikh slova s perevodom...» za podpisuyu Nikity Ovchinnikova: fragmenty paleograficheskogo i tekstologicheskogo analiza [The “List of Russian words with translation...” signed by Nikita Ovchinnikov revisited: fragments of palaeographic and textual analysis]. Sz. T. Tóth (ed.). *Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples II. Abstracts of the 5th day of Agricola conference*. Narva: University of Tartu Narva College Press, 2017. P. 25–26.
- Gaydamashko 2017b — R. V. Gaydamashko. K etimologii i lingvogeografii nazvaniy zontichnykh rasteniy v russkikh govorakh Prikamya: *puchka, umra* [On the etymology and linguogeography of the Umbelliferae plant names in the Russian dialects of the Kama Region: *puchka, umra*]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 2. P. 298–331.
- Gaydamashko 2018 — R. V. Gaydamashko. Materialy k etimologii leksiki v russkikh govorakh Prikamya: *batkas, bachka, berdysh* [Materials for the etymology of certain vocabulary in the Russian dialects of the Kama Region: *batkas, bachka, berdysh*]. *Severnorusskiye govory*. 2018. Vol. 17. P. 30–45. DOI: 10.30842/01348515201802.
- Gaydamashko 2020 — R. V. Gaydamashko. K mansiyskomu proiskhozhdeniyu russkogo dialektного slova *nyurka* ‘melkaya shchuka’, ‘melkaya ryba’ [On the Mansi origins of the Russian dialect word *nyurka* ‘small pike’, ‘small fish’]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 417–425. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-417-425.
- Gaydamashko 2023 — R. V. Gaydamashko. Iz istorii rukopisnykh pamyatnikov komi-permyatskoy pismennosti kontsa XVIII — nachala XX vekov: avtory, zhanry, dialekty [Glimpses of the history of the Komi-Permyak manuscript monuments of the late 18th — early 20th centuries: authors, genres, dialects]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2023. Vol. 13. No. 2 (53). P. 357–366. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-357-366.
- Gaydamashko, Levichkin 2024 — R. V. Gaydamashko, A. N. Levichkin. Novootkrytyye rukopisi komi-permyatskogo slovarya F. A. Volegova [Newly discovered manuscripts of the Komi-Permyak dictionary by F. A. Volegov]. *Linguistica Uralica*. 2024. Vol. 60. Iss. 2. P. 136–151. DOI: 10.3176/lu.2024.2.05.
- Gaydamashko, Ponomareva 2019 — R. V. Gaydamashko, L. G. Ponomareva. Materialy k istorii izucheniya komi-permyatskogo rukopisnogo naslediya protoiyereya Antoniya Popova (1748–1788) [Materials on history of the study of the Komi-Permyak manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1748–1788)]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2019. No. 1 (32). P. 7–27.
- Gaydamashko, Shkuratok 2019 — R. V. Gaydamashko, Yu. A. Shkuratok. Sovremennoye sostoyaniye komi-yazvinskogo yazyka [The current state of the Komi-Yazva

- language]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 576–590. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590.
- Glushkov 1900 — I. N. Glushkov. Cherdynskiye voguly (Etnograficheskiy ocherk) [Cherdyn Voguls (An ethnographic essay)]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 1900. Vol. XLV. No. 2. P. 15–78.
- Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvmélek (Előzetes közlés) [A Mansi language monument from 1736 (Preliminary communication)]. *Nyelvtudományi közlemények*. 1958. Vol. LX. Pt. 1. P. 41–45.
- Guya 1963 — Ya. Guya. Drevnemansiyskiye dialektiy [Old Mansi dialects]. Gy. Ortutay (ed.). *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus 20.–24.IX.1960*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. P. 172–175.
- Kalima 1919 — J. Kalima. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [Finnic loanwords in Russian]. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919.
- Kalima 1927 — J. Kalima. Syrjänische Lehngut im Russischen [Zyryan loanwords in Russian]. *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1927. Vol. XVIII. Pt. 1–3. P. 1–56.
- Kannisto 1913–1918 — A. Kannisto. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns [A dictionary of an extinct Vogul dialect in the papers of M. A. Castrén]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1913–1918. Vol. XXX. Pt. 8.
- Khauzenberg 1972 — A.-R. Khauzenberg. *Nazvaniya zhivotnykh v komi yazyke (sravnitelno-istoricheskii analiz)* [Animal names in the Komi language (comparative historical analysis)]. Tallin: S. n., 1972.
- Koshelyuk 2022 — N. A. Koshelyuk. *Grafiko-foneticheskiye osobennosti pervykh pamyatnikov na mansiyskom yazyke ser. XVIII — nach. XX vv.* [Graphic and phonetic features of the first monuments in the Mansi language in the middle of the 18th — early 20th centuries]. Candidate thesis. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2022.
- Krivoshchekova-Gantman 1974 — A. S. Krivoshchekova-Gantman. Geograficheskaya terminologiya komi-permyatskogo yazyka [Geographical terminology of the Komi-Permyak language]. A. S. Gantman (ed.). *Voprosy lingvisticheskogo kraevovedeniya Prikamya. Vyp. 1* [Questions of linguistic local history of the Kama Region. Iss. 1]. Perm: Perm State Pedagogical Institute Press, 1974. P. 19–43.
- Krivoshchekova-Gantman 1981 — A. S. Krivoshchekova-Gantman. Komi-permyatskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikamya [Komi-Permyak borrowings in the Russian dialects of the Upper Kama Region]. A. K. Matveyev (ed.). *Etimologicheskkiye issledovaniya. Vyp. 2* [Etymological studies. Iss. 2]. Sverdlovsk: Ural State University Press, 1981. P. 46–62.
- Lobanova, Chernykh 2014 — A. S. Lobanova, A. V. Chernykh. Leksika traditsionnogo kostyuma v dialektnoy rechi komi-permyakov [Traditional clothing terms

- in the Komi-Permyak dialects]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2014. No. 3 (14). P. 24–39.
- Lytkin 1889 — G. S. Lytkin. *Zyryanskiy kray pri yepiskopakh permskikh i zyryanskiy yazyk* [Zyryan Region under the bishops of Perm and the Zyryan language]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1889.
- Lytkin 1955 — V. I. Lytkin. *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam. S obzorom dialektov i dialektologicheskim slovarem. Ch. I* [A dialectological anthology of the Permian languages. With an overview of dialects and a dialectological dictionary. Pt. 1]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955.
- Lytkin 1961 — V. I. Lytkin. *Komi-yazvinskiy dialekt* [Komi-Yazva dialect]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
- Lytkin (ed.) 1962 — V. I. Lytkin (ed.). *Komi-permyatskiy yazyk. Vvedeniye, fonetika, leksika i morfologiya: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Komi-Permyak language. Introduction, phonetics, vocabulary and morphology: a textbook for higher education institutions]. Kudymkar: Komi-Permyak Book Publishing House, 1962.
- Lytkin 1964 — V. I. Lytkin. *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of the Permian languages]. Moscow: Nauka, 1964.
- Maksimov 2016 — S. A. Maksimov. O komi zaimstvovaniyakh v udmurtskom yazyke [On Komi borrowings in the Udmurt language]. *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. LII. Iss. 2. P. 111–121. DOI: 10.3176/lu.2016.2.04.
- Matveyev 1958 — A. K. Matveyev. Mansiyskiye zaimstvovaniya v russkikh govorkakh po reke Pelymu [Mansi borrowings in Russian dialects along the Pelym River]. *Uchenye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 1958. Iss. 20: Philological. P. 71–85.
- Matveyev 1959 — A. K. Matveyev. *Finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh govorkakh Severnogo Urala* [Finno-Ugric borrowings in the Russian dialects of the Northern Urals]. (= *Uchenye zapiski Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1959. Iss. 32).
- Matveyev 1961 — A. K. Matveyev. Toponimicheskiye tipy Verkhnego i Srednego Prikamya [Toponymic types of the Upper and Middle Kama Region]. *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) arkhologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR. Vyp. 2* [Reports of the Kama (Votkinsk) archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. Iss. 2]. Moscow: S. n., 1961. P. 319–330.
- Matveyev 1964 — A. K. Matveyev. Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorkakh Severnogo i Srednego Urala [Borrowings from Permian languages in the Russian dialects of the Northern and Middle Urals]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964. T. 14. Iss. 3–4. P. 285–315.

- Matveyev 1968 — A. K. Matveyev. O drevneyshikh mestakh rasseleniya ugorskikh narodov (po dannym yazyka) [On the earliest places of Ugric peoples' settlement (based on language data)]. *Transactions of the Kama Archaeological Expedition. Iss. 2.* (= Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 1968. No. 191. P. 136–146.
- Matveyev 2006 — A. K. Matveyev. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow: Nauka, 2006.
- Matveyev 2011 — A. K. Matveyev. *Materialy po mansiyskoy toponimii gornoy chasti Severnogo Urala* [Materials on Mansi toponymy in the mountainous part of the Northern Urals]. (Trudy Toponimicheskoy ekspeditsii). Yekaterinburg: Ural State University Publishing House, 2011.
- Merkusheva 2003 — T. N. Merkusheva. *Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [The flora and fauna vocabulary of the southern dialect of the Komi-Permyak language]. Candidate thesis. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS, 2003.
- Myznikov 2003 — S. A. Myznikov. *Russkiye govory Obonezhya: arealno-etimologicheskoye issledovaniye leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of the Obonezhye Region: an areal etymological study of the vocabulary of the Finnic origin]. St. Petersburg: Nauka, 2003.
- Myznikov 2004 — S. A. Myznikov. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: Etimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz* [The vocabulary of Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the North-West: Etymological and linguogeographic analysis]. St. Petersburg: Nauka, 2004.
- Myznikov 2007 — S. A. Myznikov. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of the substrate and borrowed vocabulary of the Russian dialects of the North-West]. 2nd ed., revised and expanded. St. Petersburg: Nauka, 2007.
- Napolskikh 2015 — V. V. Napolskikh. *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on ethnic history]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost, 2015.
- Normanskaya 2020 — Yu. V. Normanskaya. Slovari permanskikh mansi «aborigenov Sibiri», sobrannyye P. S. Pallasom v XVIII veke [Dictionaries of Perm Mansi “Native speakers of Siberia”, collected by P. S. Pallas in the 18th century]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2020. No. 3 (38). P. 71–80. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-71-80.
- Normanskaya, Koshelyuk 2020 — Yu. V. Normanskaya, N. A. Koshelyuk. Neopublikovanny mansiyskiy slovar P. S. Pallasa — raneye neizvestnyy mansiyskiy dialekt? [The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — a previously unknown Mansi dialect?]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2020. No. 1 (36). P. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.

- Oborin 1990 — V. A. Oborin. *Zaseleniye i osvoyeniye Urala v kontse XI — nachale XVII veka* [Settlement and development of the Urals in the late 11th — early 17th centuries]. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1990.
- Pápay 1906 — I. Pápay. *Reguly Antal urali térképe* [Ural map of Antal Reguly]. *Földrajzi közlemények*. 1906. Vol. XXXIV. Pt. 9. P. 349–370.
- Ponomareva, Gaydamashko 2019 — L. G. Ponomareva, R. V. Gaydamashko. O komi-permyatskikh i mansiyskikh rukopisyakh iz fonda Antala Reguli: predvaritelnyye nablyudeniya [On Komi-Permyak and Mansi manuscripts from the Antal Reguly Foundation: preliminary observations]. Sz. T. Tóth (ed.). *Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjandustes V: Teesid*. Narva: University of Tartu Narva College Press, 2019. S. 16.
- Preobrazhenskiy (ed.) 1989 — A. A. Preobrazhenskiy (ed.). *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [The history of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka, 1989.
- Rédei 1970 — K. Rédei. *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen* [The Zyryan loanwords in Mansi]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- Saarikivi 2021 — J. Saarikivi. The divergence of Proto-Uralic and its offspring. A descendent reconstruction. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 28–58. DOI: 10.1093/oso/9780198767664.003.0003.
- Smirnov 2001 — O. V. Smirnov. Mansiyskaya toponimiya reki Chusovaya v zapisyakh G. F. Millera [The Mansi toponymy of the Chusovaya River in the records of G. F. Miller]. A. K. Matveyev (ed.). *Etimologicheskkiye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 7* [Etymological research: collection of scientific papers. Iss. 7]. Yekaterinburg: Ural State University Publishing House, 2001. P. 121–141.
- Smirnov 2012 — O. V. Smirnov. Substratnaya mansiyskaya toponimiya na territorii bylogo prozhivaniya mansi [Mansi substrate toponymy on the territory of the former habitation of the Mansi people]. *Voprosy onomastiki*. 2012. No. 1 (12). P. 43–79.
- Vasev 2006 — M. V. Vasev. *Ob ispolzovanii rasteniy selskim naseleniyem Cherdynskogo rayona i nazvaniyakh rasteniy, bytuyushchikh v mestnykh govorakh* [About the use of plants by the rural population of the Cherdynsky District and the names of plants found in local dialects]. Graduation paper. Perm: Perm State University, 2006.
- Veenker 1967 — W. Veenker. *Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache* [The question of the Finno-Ugric substrate in the Russian language]. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 82). Bloomington: Indiana University, 1967.
- Veenker 1992 — W. Veenker. Finnougrisch-slavische Wechselbeziehungen [Finno-Ugric and Slavic interrelationships]. H. László, S.-L. Hahmo, T. Hofstra,

- J. Jastrzebska, O. Nikkilä (eds.). *Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum* [Finno-Ugric languages between the Germanic and Slavic language areas]. Amsterdam: Rodopi, 1992. P. 175–184.
- Zvereva 2007 — Yu. V. Zvereva. Leksika, zaimstvovannaya iz komi-permyatskogo yazyka, v permskikh govorakh (na materiale tematicheskoy gruppy «Chelovek») [Vocabulary borrowed from the Komi-Permyak language in the Perm dialects (based on the material of the thematic group “Man”)]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2007* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2007]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 477–482.
- Zvereva 2008 — Yu. V. Zvereva. Apellyativy komi-permyatskogo proiskhozhdeniya v permskikh govorakh [Appellatives of Komi-Permyak origin in the Perm dialects]. A. S. Gerd (ed.). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2008]. St. Petersburg: Nauka, 2008. P. 491–497.
- Zvereva 2012 — Yu. V. Zvereva. Leksika komi-permyatskogo proiskhozhdeniya v «Slovere russkikh govorov severa Permskogo kraja» [Vocabulary of the Komi-Permyak origin in the Dictionary of Russian dialects of the North of the Perm Krai]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki*. 2012. Vol. 16. P. 103–110.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 12.04.2024